

МИТРОПОЛИТЪ
ПЕТРЪ

МИТРОПОЛИТЪ СЕНТИАНЪ СВЕТИТЕЛЪ ВАСКСИИ
МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКОЙ
И ВСЕЯ РУСИИ

МИТРОПОЛИТЪ
ИОНА

Голосъ ЦЕРКВИ

Созидавъ
цѣрковь мою,
и врата ада
не одолѣютъ ея.
(Ев. Мат. XVIII, 18)
Иже же и цѣрковь
преслашаетъ,
сози тевѣ тако-
же казычникъ
и мытарь
(Ев. Мат. XXIII, 17)

Петръ и
Ипpli рѣша:
повиновати-
са подобаетъ
Бѣгови паче,
нежели чело-
вѣкъшмъ.
(Дѣян. Ап
5г 29 ст.)

1916

Октябрь.

10

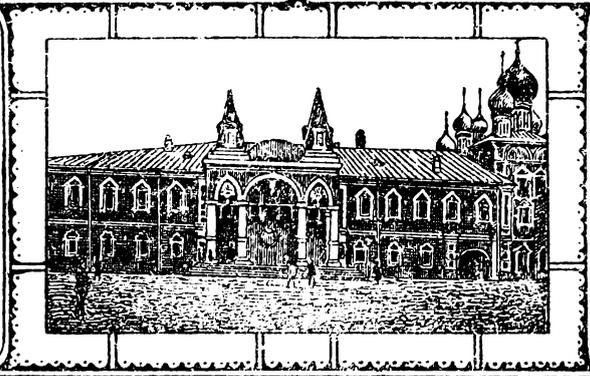

рис. Козловъ

МИТРОПОЛИТЪ
ФИЛИППЪ

ПРИМОНЪ СЕРГИИ
САРОВСКИИ

Издание ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ.

ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ.

Ежемѣсячный церковно-общественный
журналъ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТЫЙ.

1916 г. Октябрь.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ

ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКИЙ ПЕР., СОВ. Д.

1916.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	<i>Стран.</i>
1. Рѣчь, при врученіи жезла епископу Пимену, начальнику Урмійской миссіи, 6 августа 1916 г.— <i>Владиміръ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій</i>	3—9
2. Даръ любви.— <i>Макарій, Митрополитъ Московскій</i>	10—14
3. Духовный дневникъ— <i>Арсеній, Епископъ Серпуховск.</i>	15—22
4. Письма въ Бозѣ почившаго Высокопреосвященнаго Николая, Архіепископа Японскаго.	23—25
5. Сила вѣры.— <i>Евдокія Семенова.</i>	26—26
6. Святой Апостоль Павелъ, какъ образецъ для пастыря Церкви Христовой.—Профессоръ <i>С. Заринъ</i>	27—32
7. Путь ко спасенію по св. Григорію Нисскому.—Иеромонахъ <i>Николай Ярушевичъ</i>	33—40
8. Гдѣ отдохнуть.— <i>В. П. Быковъ</i>	41—66
9. Что надлежитъ помнить въ борьбѣ съ хлыстами и скопцамн.— <i>П. Айвазовъ</i>	67—80

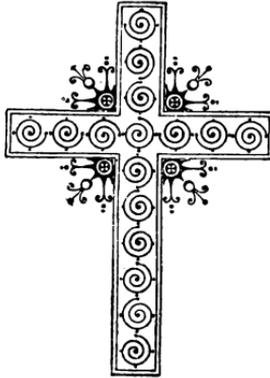
ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

10. Въ защиту цѣломудрія.—Докторъ <i>Василій Николаевъ.</i>	81—90
11. Религіозное броженіе среди черемисовъ.— <i>Г. М.</i>	91—95
12. Зернало жизни: XLV. Законопроектъ о пѣмецкомъ засиліи. XLVI. Черная доска.— <i>И. Правдолюбовъ.</i>	96—103
13. Миссіонерское обозрѣніе.— <i>Обозрѣвателъ</i>	104—112

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ“

на 1917-й годъ.

Объявленіе о выходѣ журнала въ 1917 г. смотрѣть
на обложкѣ журнала.

Рѣчь,

при вручені жезла епископу Пимену, начальнику Урміійской миссіи, 6 августа 1916 г.

Преосвященный Пименъ, возлюбленный о Господѣ братъ!

Привѣтствую тебя съ принятіемъ архіерейской благодати. Господь судилъ тебѣ снова, уже *третицею*, какъ сказалъ ты при своемъ нареченіи, возвратиться на служеніе въ любимую тобою Урмію, которой ты отдалъ шесть лучшихъ лѣтъ своей жизни. Но это уже не та богатая и цвѣтушая, особенно въ христіанской части, область, какою ты зналъ ее 2 или 3 года назадъ. Жестокая рука враговъ сдѣлала ее совсѣмъ неузнаваемой и вотъ какую печальную картину представляетъ она сейчасъ, по дошедшимъ до насъ официальнымъ свѣдѣніямъ. Селенія христіанъ, въ количествѣ двухъ третей, разрушены и опустѣли. Значительная часть насельниковъ ихъ убита. Храмы, коихъ насчитывалось до сорока, разрушены и опустошены. Церковное имущество разграблено. Иконы поломаны или сожжены. Изъ се-

ребряныхъ сосудовъ, похищенныхъ изъ храмовъ, пьютъ на своихъ пирушкахъ мусульманскіе ханы. Изъ дорогихъ облаченій сдѣланы покрывала на ихъ сѣдла. Оставшіеся въ живыхъ христіане бродятъ какъ овцы распуганнаго звѣрями стада. И вотъ все это предстоитъ тебѣ, какъ начальнику миссіи, собрать, возстановить, привести въ порядокъ, благонастроить и благоустроить. Задача далеко не изъ легкихъ, и нужно имѣть много твердости духа, чтобы не придти при этомъ въ смущеніе. Но здѣсь невольно приходитъ мнѣ на память исторія возстановленія іерусалимскаго храма, которая можетъ послужить для тебя нѣкоторымъ ободреніемъ. Когда Неемія, болѣя душою о бѣдственномъ состояніи своего народа, задумалъ возстановить разрушенныя стѣны Іерусалима и храмъ его, то многіе смѣялись надъ нимъ и говорили: что это за дѣло затѣваетъ онъ, указывая этимъ на его неосуществимость. Что же сказалъ на это Неемія? „Богъ небесный, 'сказалъ онъ, благопоспѣшитъ намъ, и мы, рабы его, возстанемъ и будемъ строить“. И эта надежда его на Бога не посрамила. При всѣхъ, извѣстныхъ намъ изъ исторіи, величайшихъ трудностяхъ и препятствіяхъ къ сооруженію храма, онъ все-таки построилъ его, хотя и не такой величественный, каковъ былъ храмъ Соломона.

„Возстанемъ“, хочется сказать мнѣ вмѣстѣ съ Неемією, „и мы, я будемъ строить“.

Говорю это, разумѣя не столько внѣшніе, вещественныя храмы, сколько храмы духовныя, къ созиданію коихъ главнымъ образомъ и призываемся мы—пастыри, и не въ одной только Урміи, но и во всей нашей церкви. Ибо подобно тому, что было во времена Нееміи въ Іерусалимѣ, видимъ мы во многихъ отношеніяхъ въ нашей церкви, въ нашемъ христіанствѣ. Какъ тамъ враги еврейскаго народа, ворвавшись въ городъ и раз-

рушивъ его стѣны и храмъ, завладѣли тѣмъ, что имъ не принадлежало, такъ и у насъ враждебное язычество устрояетъ свой лагерь, и раскидываетъ свои палатки, все шире и шире раздвигая свси предѣлы.

И у насъ явилось много лжеучителей и лжепророковъ, которые, будучи костью отъ нашихъ же костей и плотью отъ нашей же плоти, отпали отъ насъ и дѣйствуютъ противъ насъ.

И какъ разрушительно дѣйствуютъ! Нужно совсѣмъ не имѣть зрѣнія, чтобы не видѣть тѣхъ ранъ и тѣхъ аварий въ нашемъ церковномъ кораблѣ, которыя являются слѣдствіемъ этой дѣятельности. Мы видимъ, съ какимъ успѣхомъ прививаютъ они къ нашему обществу идеи лжеименной матеріалистической науки, которая Христа низводитъ на степень обыкновеннаго смертнаго а человека на степень животнаго, такъ что онъ свое назначеніе и цѣль своей жизни полагаетъ въ удовлетвореніи только животныхъ потребностей. Мы видимъ, какъ глубоко подъ вліяніемъ этой науки проникаютъ наше общество матеріальные интересы и чувствительныя удовольствія, дѣлаясь у однихъ главнымъ и у другихъ почти единственнымъ предметомъ чаяній и вождѣлений. Мы видимъ, какъ вслѣдствіе этого слова евангелія: „ищите прежде царствія Божія“ стали предметомъ глумленія, а слѣдующія за ними слова: „и сія вся приложатся вамъ“—предметомъ насмѣшекъ и издѣвательства. Мы видимъ, какую непроходимую между словную пропасть роютъ наши соціалисты, наускивая и возстановляя бѣдныхъ противъ богатыхъ, рабочихъ противъ работодателей—фабрикантовъ, слугъ противъ господъ, и превращая заповѣдь Божию: „не укради и не пожелай“ въ слова лжи: „собственность есть воровство“.

Мы видимъ, какъ попирается у насъ заповѣдь о воскресныхъ и праздничныхъ дняхъ и какъ не охотно слушается проповѣдь о покаяніи, объ обращеніи къ Богу и о духовномъ возрожденіи, потому что многіе, коимъ улыбается пока счастье, надѣются прожить и умереть безъ церкви. Да и между тѣми, которые не порвали еще связи съ церковью, посѣщаютъ ея богослуженія и числятся ея членами, они довольствуются только внѣшнею церковностью, а другіе, колеблемые всякимъ вѣтромъ ученія, охотно идутъ вслѣдъ за лжеучителями, въ родѣ братцевъ и другихъ самозванныхъ лжехристовъ и лжепророковъ. И только незначительная часть нашихъ пасомыхъ усердно воспринимаетъ и сохраняетъ въ своемъ чистомъ сердцѣ слово Божіе и въ терпѣніи приноситъ плодъ. Все это не служитъ ли для насъ, служителей церкви, достаточнымъ побужденіемъ усилить свою дѣятельность и сказать вмѣстѣ съ Нееміею: *возстанемъ* и съ надеждою на Бога *будемъ строить* (разрушаемое зданіе). Но вотъ со всѣхъ сторонъ мы слышимъ при этомъ возраженія, коими отрицается и нужда, и польза и возможность этого строительства.

„Вы не должны строить“, раздается со стороны гордой науки, которая отрицаетъ І. Христа, во плоти пришедшаго: „Христіанство отжило свой вѣкъ, вѣра въ живого личнаго Бога и Его откровеніе погасла. Зданіе церковное, которое вы хотите поддерживать, настолько обветшало, что возстановлять его,—напрасный трудъ. Посмотрите, какъ глубоко духъ новѣйшаго образованія проникъ во всѣ слои общества“.—„Вы не должны строить“ говорятъ другіе, которые все терпятъ, со всѣмъ мирятся, только не съ христіанствомъ и религіею вообще. Ваше строительство ничто иное, какъ ретроградство, задержка и тормазъ неудержимо идущаго

впередъ просвѣщенія—и мракобѣсіе. Благо народа зависитъ не отъ религіи, а отъ развитія культуры и цивилизаціи, и идти къ народу нужно не съ религіею, а съ книгою въ рукахъ. Устраните себя отъ этого строительства и не мѣшайте намъ вести народъ къ просвѣщенію и культивировать нашу страну“.

„Вы не должны и не можете строить“, кричатъ снова другіе. „Ваши таинства не служатъ къ обновленію жизни, у васъ нѣтъ пророческаго духа, какъ это было въ ветхомъ завѣтѣ, нѣтъ и чудесъ какія были во времена апостоловъ“.

Что сказать на эти, какъ и на многія другія нападки со стороны враговъ церкви? Тоже самое повторяю еще разъ, что сказалъ Неемія врагамъ своимъ, которые противодѣйствовали возстановленію Іерусалимскаго храма. „Богъ небесный благопоспѣшитъ намъ и мы, рабы его, станемъ строить“. Да, мы, пастыри, должны, и будемъ, при помощи Божіей, строить церковное зданіе; мы должны и будемъ продолжать свою проповѣдь,— проповѣдь не отъ себя самихъ, не отъ своей мудрости, но проповѣдь отъ Христа и о Христѣ, Распятомъ, который для невѣрующихъ „соблазнъ и безуміе“, а для вѣрующихъ „Божія сила и Божія премудрость“. Мы вѣруемъ и не перестанемъ вѣровать и возвѣщать народу, что „правда возвышаетъ народъ и грѣхъ для него пагуба“. Мы всегда умоляли и будемъ умолять своихъ слушателей: „не ожесточайте сердець вашихъ, покайтесь и примиритесь съ Богомъ“. Мы всегда говорили, говоримъ, и будемъ и впредь съ настойчивостью повторять, что никогда не можетъ человѣкъ войти въ царствіе Божіе, если не родится свыше, т.-е. что никакими внѣшними реформами и преобразованіями не достигнетъ онъ своего счастья, если онъ внутренно, нравственно-духовно не преобразуетъ себя по образу Христа. И это будемъ

дѣлать мы всюду: и въ храмѣ, и внѣ храма, и въ школь и въ семьѣ, и въ тюрьмахъ и лазаретахъ, словомъ всюду, гдѣ есть душа человѣческая.

Да, говоритъ гордая наука, вы можете это дѣлать, пожалуй, и дѣлаете, но дѣлаете словами и только словами и все, что такимъ образомъ вы строите, есть ничто инсе, какъ картонный домикъ, который разлетится при первомъ дуновеніи вѣтра. Но не такъ ли же и вы, спросимъ васъ, апостолы невѣрія, ведете свое дѣло? Вѣдь и вы не иначе строите, какъ только словами. Такимъ образомъ, ученіе стоитъ противъ ученія, одно свидѣтельство противъ свидѣтельства, слово противъ слова, но посмотримъ, какое слово болѣе основательно, болѣе прочно и устойчиво, — „да“ нашей вѣры, или „нѣтъ“ вашего невѣрія, слово мудрости вѣка сего или слово Того, Который говоритъ: „небо и земля прейдуть, но слова мои не прейдуть“. А если это слово вѣчно и непреложно, то не въ правѣ ли мы съ полнымъ дерзновеніемъ сказать опьяненной матеріалистической наукѣ отъ имени Церкви словами пророка Михея: „не радуйся непріятельница моя, что я упала. Хотя я и упала, но встану; хотя я во мракѣ, но Господь—свѣтъ для меня, Онъ освѣтилъ меня“ (Мих. 7, 8).

Вотъ что, возлюбленный собратъ, нашель я умѣстнымъ сказать тебѣ въ настоящую, единственную минуту въ твоей жизни, при врученіи жезла сего. Я сказалъ это, чтобы ободрить тебя среди заявленнаго тобою смущенія, и возбудить большую ревность и большую надежду на успѣхъ предстоящаго тебѣ, поистинѣ, великаго подвига. Но такъ какъ успѣхъ каждаго дѣла зависитъ отъ Бога, то усердною молитвою, къ которой прошу присоединиться и васъ, Боголюбивые братіе и сестры, въ такомъ множествѣ присутствующіе при настоящемъ торжествѣ.

Господи Боже, великій и многомилостивый! Къ тебѣ воздѣваемъ мы свои руки и устремляемъ свои взоры и сердца. Призри съ небесной высоты Своей на смиреннаго раба сего, съ такою любовью и самоотверженіемъ идущаго въ далекую страну собирать злополучныхъ овецъ Твоего распуганнаго стада. Ты самъ, Господи, избралъ его орудіемъ Твоей благодати и далъ ему такое назначеніе. Ты знаешь, какъ труденъ этотъ подвигъ и какъ мало благопріятствуетъ успѣху этого дѣла наше лукавое время. Но Ты знаешь, Ты видишь и огонь той ревности, съ какою онъ идетъ на это дѣло. О, предотврати Твоею мощною десницею то, что можетъ погасить въ немъ этотъ огонь и даруй ему и мужество, и силу, и крѣпость для совершенія своей миссіи. А намъ, съ такою любовію напутствующимъ его, даруй и впредь не оскудѣвать въ этой любви къ нему и къ его дѣлу, но еще болѣе възгрѣвать ее въ себѣ, выражая ее не словами только, но и дѣлами благотворенія.

Владиміръ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

Даръ любви.

Волхвы, упоминаемые въ Евангельскомъ повѣствованіи о рожденіи Христовомъ, прошли дальній путь, чтобы поклониться Христу. И мы, возлюбленные, подобно имъ, проходимъ долгій, сорокадневный путь приготовленія къ празднику Рождества Христова. Волхвы обрѣтши Христа, открыли сокровищницы свои и принесли Христу дары. Сдѣлаемъ и мы нѣчто подобное: откроемъ и мы сокровищницы сердець нашихъ и также возьмемъ оттуда дары для Христа. Волхвы принесли Христу три дара: золото, ладанъ и смирну. И мы принесемъ Христу также три дара: вѣру, надежду и любовь. Изъ всѣхъ даровъ отъ волхвовъ драгоцѣннѣйшимъ было золото. А изъ нашихъ даровъ всего дороже любовь. Сколько честенъ этотъ *даръ любви*, столько же и пріятенъ онъ Христу. Итакъ, наипаче озаботимся о приготовленіи этого дара. Подаримъ Христу любовь нашу. Подаримъ ее не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною возлюбимъ Христа, какъ Онъ возлюбилъ насъ; притомъ такъ возлюбилъ, что всего себя отдалъ намъ. Ради насъ Онъ сошелъ съ небесъ, родился отъ Дѣвы, былъ младенцемъ, положенъ былъ въ ясляхъ. Ради насъ пожилъ на землѣ; ради насъ предалъ Себя на смерть и пролилъ Кровь Свою. Ради тебя и меня Онъ предалъ Тѣло Свое въ снѣдь вѣрнымъ и Кровь Свою въ питіе, чтобы вкушающіе Тѣла и Крови Его были живы во вѣки. Это ли не любовь? Кто рѣшится на это? Какой обладатель сокровищъ рѣшится отдать себя на снѣденіе, чтобы спасти кого ни-

будь? Не согласится ли онъ скорѣе разстаться со всѣмъ своимъ богатствомъ, чѣмъ потерять жизнь свою за другихъ? Если Христось такъ возлюбилъ насъ, то и мы покажемъ любовь къ Нему. Спросите: что мы можемъ сдѣлать для Христа? Волхвы обрѣли Его лежащимъ въ ясляхъ и принесли Ему дары. А мы гдѣ найдемъ Христа, чтобы принести Ему дары наши? Можете и теперь найти Его въ ясляхъ. Пойдите въ тѣ Ясли, гдѣ принимаются младенцы, приносимые матерями для храненія и ухода за ними, чтобы самимъ имъ приобрести дневнымъ трудомъ себѣ пропитаніе. Пойдите и въ другое мѣсто, гдѣ обрѣтете также Христа младенчествующаго. Это тотъ сиропитательный Домъ Трудолюбія, гдѣ воспитываются дѣти разныхъ возрастовъ: ихъ много тамъ; они сироты; одни не имѣютъ отца и матери, другіе брошены своими родителями. Они малы и не пойдутъ къ вамъ просить, какъ приходятъ взрослые и умаливаньемъ заставляютъ васъ сжалиться надъ ними. Но вы сами сходите къ нимъ, къ этимъ сиротамъ и принесите для нихъ нужное. Что сдѣлано будетъ для этихъ младенцевъ, для этихъ сиротъ, то будетъ сдѣлано для Христа. Это не наши слова, а Христовы. Кто приметъ одно изъ такихъ дѣтей, во имя Мое, тотъ принимаетъ Меня (Мрк. 9, 37). Значитъ — пріютишь, накормишь, согрѣешь одного такого сироту, Самому Христу это сдѣлаешь.

Послѣ дѣтскихъ пріютовъ посѣтите больницы, сходите въ богадѣльни. Тамъ увидите больныхъ, быть можетъ, въ теченіе многихъ лѣтъ прикованныхъ къ одру болѣзни; увидите дряхлую старость, безпріютное сиротство разныхъ возрастовъ. Полюбите ихъ, принесите имъ нужное. Вѣрьте, что руками ихъ приметъ ваше приношеніе Самъ Христось и скажетъ вамъ въ день Свой: былъ Я боленъ, и вы посѣтили Меня.

Все это — бѣдность, дряхлость и сиротство — такая нужда, которую легко найти. Но есть нужда печальнѣе этой. Эта нужда разсѣяна по окраинамъ и захолустьямъ города. Она ютится въ темныхъ подвалахъ, чердакахъ, въ сырыхъ углахъ дешевыхъ квартиръ, куда не всегда проникаетъ взоръ христіанскаго человѣколюбія и никогда не видитъ глазъ людей непрестаннаго недосуга. Эта нужда питается въ проголодь, ѣстъ не тогда, когда захочетъ, а когда придется. Они нерѣдко сидятъ дни и недѣли безъ обѣдовъ и ужиновъ, питаются однимъ хлѣбомъ съ водой. Если захотите узнать, изъ кого состоитъ эта нужда, то вотъ примѣрный списокъ ея. Это—отецъ многочисленной семьи; никто изъ этой семьи не способенъ снискивать пропитаніе для себя и другихъ; отецъ давно ищетъ мѣста для усиленнаго служенія и не находитъ. Эта семья не обѣдаетъ, но питается хлѣбомъ и согрѣтой водой. Это—первый разрядъ нужды. А вотъ и второй:—мать семьи, состоящей изъ многихъ дѣтей, требующихъ и хлѣба и одежды, но неспособныхъ приобрѣтать ни того, ни другого своими руками. Третій разрядъ,—это единственный кормилецъ семьи, долго хворавшій, теперь поправляющійся. Если угодно, то вотъ и четвертый отдѣлъ незамѣчаемой нужды: это—малолѣтній ребенокъ, отданный бѣдной матерью въ наученіе грамотѣ, но не имѣющій ни одежды, ни обуви для холодныхъ дней, ни книжекъ для ученья. Все это такая нужда, которая сама не попадаетъ на глаза тому, кто могъ бы или захотѣлъ помочь ей. Ее нужно отыскать. О ней нужно собрать вѣрныя свѣдѣнія. Для нея нужны опредѣленные мѣста, которыя она, вся эта нужда, знала бы, и куда она могла бы приходиться съ твердымъ упованіемъ, что ее тамъ примутъ, выслушаютъ и по возможности помогутъ. Для нея нужны опредѣленные сроки, когда она могла бы заяв-

лять о себѣ, чтобы не получить отказа въ выслушаніи ея просьбъ, по причинѣ несвоевременнаго прибытія для этого. Это такая нужда, съ которой никто единолично справиться не можетъ, даже при всемъ желаніи сдѣлать это. Здѣсь нужна совокупность многихъ силъ. Здѣсь нужна большая семья, соединенная союзомъ братской любви, которая посвятила бы себя на служеніе этой нуждѣ во имя христіанской любви. Одни изъ этого объединеннаго братства собирали бы свѣдѣнія о положеніи нуждающихся, другіе дѣлали бы извѣстными христіанскому обществу эту нужду, третьи принимали бы пожертвованія, четвертые приглашали бы къ пожертвованіямъ, пятые выдавали бы то, что получено для нужды, по потребности каждаго.

Нашъ городъ великъ. Чтобы успѣшнѣе вести дѣло христіанской благотворительности, онъ долженъ бы быть раздѣленъ на участки. Каждый участокъ зналъ бы своихъ бѣдныхъ и бѣдные каждаго участка знали бы, куда имъ идти съ нуждой. Нашъ городъ—христіанскій городъ: поэтому и благотворительность должна быть христіанская, во имя Христова. Гдѣ же приличнѣе можно было бы найти мѣсто для таковой благотворительности, какъ не въ православномъ приходѣ, подъ покровомъ Церкви? Кто можетъ лучше исполнить долгъ христіанской благотворительности, какъ не общество благочестивыхъ христіанъ, составляющихъ членовъ одной Церкви? Попеченіе о бѣдныхъ должно исходить отъ церковнаго попечительства.

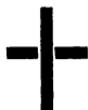
Итакъ, вотъ мѣсто, гдѣ должна сосредоточиваться христіанская благотворительность. Церковныя Попечительства должны пещись о нуждѣ своихъ приходскихъ братіевъ, составляющихъ одну церковную семью. Вотъ куда должна идти нужда со своими просьбами. Вотъ куда должна быть направлена и христіанская милостыня.

Вамъ, братіе, не безъизвѣстно, что и въ нашемъ городѣ уже существуютъ таковыя попечительства. Они уже совершаютъ свою посильную и не бесплодную дѣятельность. На попеченіи каждаго изъ приходскихъ попечительствъ состоитъ нѣсколько бѣдныхъ семействъ и отдѣльныхъ лицъ, которымъ выдается ежемѣсячное или повременное пособіе. Нѣкоторыя попечительства содержатъ сиропитательныя дома, дѣтскіе пріюты—ясли, дома убѣжища и школы. Попечительства выдаютъ усиленную милостыню и помощь бѣднымъ къ великимъ праздникамъ.

Совершая свое великое служеніе дѣлу приходской благотворительности, попечительства наши иногда принуждены бываютъ съ сожалѣніемъ отказывать въ помощи нѣкоторымъ нуждающимся по недостатку для этого средствъ. И въ настоящее время, когда приближается великій праздникъ, бѣдныя семейства, вѣроятно, обратятся съ своими просьбами объ усиленной помощи имъ ради праздника. Легко понять ихъ печаль и уныніе, если просьбы ихъ останутся неудовлетворенными, по недостатку средствъ. Ихъ печаль и уныніе не будутъ ли печалію Самого Христа? Вѣдь въ лицѣ бѣдныхъ Онъ Самъ приходитъ къ намъ за помощію. Дерзнемъ ли мы отказать Христу?

Братіе христіане! Окажите вашу любовь вашимъ братьямъ о Христѣ. Помогите попечительствамъ исполнить за васъ дѣло благотворенія, оказать помощь бѣднымъ, ради наступающаго праздника.

Богъ, богатый въ милости, силенъ обогатить васъ всякою благодатью, чтобы вы, всегда и во всемъ имѣя всякое довольство, были богаты на всякое доброе дѣло и чтобы многіе, видя ваши добрыя дѣла, прославляли Отца небеснаго, а получающіе милости чрезъ васъ благословляли за васъ Бога.

Духовный дневникъ.

*„Всѣ вы — сыны свѣта и сыны дня...
Будучи сынами дня, да трезвимся,
облекимся въ броню вѣры и любви и
въ шлемъ надежды спасенія“—(1 Тес-
сал. 5 г. 5, 8 ст.).*

Нѣкоторые говорятъ: „Мы не можемъ найти себѣ хорошаго духовника, такъ какъ нѣтъ теперь, по всей вѣроятности, опытныхъ духовниковъ“. Исканіе это похвально, но вотъ что нужно знать въ данномъ случаѣ всякому христіанину. Прежде чѣмъ искать опытнаго духовника, ты долженъ самъ, какъ говорится, „протереть себѣ глаза“, положить въ своемъ сердцѣ стремленіе быть хорошимъ христіаниномъ—имѣть твердую вѣру, быть послушнымъ членомъ Св. Церкви, бороться съ своими злыми навыками и затѣмъ усердно молиться, чтобы Господь помогъ тебѣ найти духовнаго отца, и ты непременно его найдешь, примѣръ сему—Евангельскій Корнилій сотникъ. Сей мужъ, говорится въ Дѣяніяхъ Св. Апостоловъ, былъ добродѣтеленъ, искалъ правды Божіей и Господь послалъ ему св. Апостола Петра, который крестилъ Корнилія со всѣмъ его домомъ, сдѣлавшись такимъ образомъ ихъ духовнымъ отцемъ.

Въ жизни нашей души большое значеніе имѣеть умъ. На умъ падаютъ всѣ впечатлѣнія внутренняго и внѣшняго міра. Въ виду этого обстоятельства нужно стараться управить нашъ умъ, сосредоточивъ его въ Богъ, дабы пріосѣнила его благодать Св. Духа; этимъ мы будемъ застрахованы отъ дальнѣйшаго проникновенія въ нашу душу зла, приходящаго къ намъ совнѣ, тогда оно не перейдетъ ни въ чувство, ни въ слово, ни въ дѣло. И нужно сказать, что со зломъ легче бороться, когда оно приражается только лишь уму, какъ если оно, перейдя въ слово и дѣло, будетъ внесено уже въ наше сердце. Отсѣки злой помысль поначалу и ты этимъ предоохранишь себя отъ дальнѣйшаго зла. Не потому ли св. подвижники, стремясь свой умъ держать сосредоточеннымъ въ Богъ, занимались трезвеніемъ ума, творили Іисусову молитву, размышляли о страданіяхъ Спасителя.

Всѣ мы грѣшные немощные люди ощущаемъ внутри себя какую то грѣховную занозу, чувствуемъ какую-то падкость къ страсти—вотъ у одного позывъ къ вину, у другого къ табаку, у третьяго къ плотской страсти и т. д., какъ будто бы что-то подталкиваетъ тебя къ тому или другому грѣховному дѣлу. И пока эта заноза сидитъ у тебя—знай, что ты еще лишень благодати Божіей, она еще тебя не пріосѣнила, что ты еще не привлекъ ее въ свое сердце молитвами, подвигами, исповѣдью и другими дѣлами благочестія, ибо какъ только пріосѣнить тебя благодать Божія, такъ сейчасъ же почувствуешь отвращеніе къ страсти, всякое внутренне дурное бурленіе, муть отойдетъ, исчезнетъ у тебя.

Признакъ, что душу христіанина начинаетъ пріосъ-
нять благодать Божія—это когда ты начинаешь испы-
тывать страхъ Божій, благоговѣніе къ святынь, когда
у тебя отпадаетъ всякое презорство при благоугож-
деніи Господу Богу, когда ты стыдишься допускать
неблагоприличность на молитвѣ, въ храмѣ Божіемъ,
оберегаешь святыню, боишься допустить въ отношеніи
ея небрежность, а самъ ты дѣлаешься безгнѣвнымъ,
смирненнымъ, кроткимъ, умиленнымъ.

Никогда не думай, что твои подвиги нужны Господу
Богу. Они нужны для тебя самого, для твоего спасе-
нія. Когда укрѣпишься въ этой мысли, тогда ты пра-
вильно будешь разсуждать и о томъ, какъ нести тебѣ
эти подвиги. Нужно ихъ нести не на показъ, не для
того, чтобы видѣли ихъ люди и не для собственнаго
самоуслажденія, а для того, чтобы черезъ нихъ очища-
лось твое сердце, и ты приближался бы къ Господу.

Человѣкъ впадаетъ въ грѣхъ, по лишеніи благодати
Божіей. Лишается же онъ благодати Божіей вслѣдствіе
небрежности въ угожденіи Богу. Небрежность ведетъ
къ забвенію Бога, а забвеніе, порождая сомнѣніе,
что все доброе, совершаемое человѣкомъ, принадлежитъ
только ему, обнаруживаетъ гордость. Но Богъ гордымъ
противится и только смиреннымъ даетъ благодать.
Благодать отъ гордыхъ отходитъ, тогда къ человѣку
легко приближается врагъ, увлекаетъ его во всякій
грѣхъ, за которымъ слѣдуетъ пагуба (По Свмеону Нов.
Богослову).

Какая цѣль можетъ быть при всякой благотворительности? Преп. Сѹмеонъ Нов. Богословъ говоритъ: „Кто дѣлаетъ какое либо добро безъ Христа, увы ему и дѣлу его“ (21 слово). Мы считаемъ благотворительность добрымъ дѣломъ, спасительнымъ какъ для насъ самихъ, такъ и для тѣхъ, кому мы благотворимъ. Но можетъ ли добро быть однокимъ? Добро только тогда можно назвать добромъ, когда въ его составъ не входитъ зло. Относительно же нашей благотворительности этого сказать нельзя. Вотъ мы устраиваемъ благотворительный вечеръ съ безобразными танцами и весельемъ, даемъ деньгами, якобы и на благую цѣль, а вмѣстѣ и на проявленіе грѣха (въ веселіи и танцахъ). Вотъ я трачу сумму денегъ на устройство церкви, благотворительное учрежденіе и въ то же время желаю получить награду, тогда тутъ моя благотворительность въ основѣ своей имѣетъ корыстную цѣль—честолюбіе, славолубіе. Св. отцы подобную благотворительность называютъ гнилой, діавольской, Ею заправляетъ сатана, имѣя одну только цѣль: подъ предлогомъ благотворительности завлекать христіанъ въ грѣхъ, преступный дѣла. Если мы проконтролируемъ современную намъ благотворительность, то мы ужаснемся отъ массы сатанинской въ ней примѣси грѣховнаго, совсѣмъ не христіанскаго. Истинная цѣль благотворительности—нравственное усовершенствованіе себя и другихъ, очищеніе нашего сердца отъ нечистоты и порока, единеніе съ Господомъ, словомъ, спасеніе нашей души и ближнихъ.

Почему молитва не всегда насъ согрѣваетъ? Но кто согрѣваетъ насъ на молитвѣ? Скажешь—Христось

Спаситель. Такъ вотъ и знай, если ты желаешь, чтобы тебя согрѣло солнце, ты вѣдь всячески къ нему при-
норавливаешься,—выбираешь себѣ мѣсто, положеніе
тѣла и т. д., такъ точно и когда ты желаешь, чтобы
Господь согрѣлъ тебя на молитвѣ—приноравливайся
къ Нему—Господу Богу. А въ чемъ это приноравли-
ваніе должно состоять, ты, какъ христіанинъ, долженъ
знать.

Какъ узнать—здорова ли у тебя душа или больна?
Признакъ здоровья души—не жадать грѣха, ни того,
чего жаждетъ міръ,—ни сласти, ни денегъ, ни славы,
ни чести. Если ты всего этого жаждешь, душа твоя
больна и тебѣ необходимо ее врачевать.

„Работайте Господеви со страхомъ и радуйтесь Ему
съ трепетомъ“. Вотъ девизъ твоихъ отношеній къ
Господу Богу. Чѣмъ больше страха, благоговѣнія и
усердія въ твоихъ дѣлахъ благоугожденія, тѣмъ ты въ
духовномъ отношеніи чище и выше.

Преп. Свмеонъ Нов. Богословъ говоритъ о духов-
никѣ: „Духовникъ—это экономъ благодати“ (138 стр.
14 слов.). Если тебѣ хочется начать борьбу съ грѣхомъ,
избавиться отъ него, убѣжать діавола и сѣтей его,
иди къ духовнику, и онъ выдастъ тебѣ отъ Господа
Бога потребную благодатную помощь. Не потому ли
духовныя дѣти стираютъ руки за благословеніемъ
къ духовнику, какъ бы тѣмъ показывая, что они ищутъ
получить отъ него духовныя блага, подобно тому, какъ
тѣми же руками получаютъ вещественныя.

Нужно различать расслабленіе, отяжелѣніе во время молитвы двоякаго рода: одно—отъ утомленія, бдѣнныхъ трудовъ и болѣзни, а другое—отъ нашей лѣности, безчувствія, отъ дѣйствія темныхъ силъ, которыя наводятъ на насъ это отяжелѣніе. Противъ сего одно только средство—терпѣніе, соединяемое съ понужденіемъ. Однако, какъ мы склонны всякое расслабленіе на молитвѣ и въ храмѣ объяснять только утомленіемъ и болѣзнію!

Если мы обратимъ вниманіе на духовное настроеніе христіанъ, не исключая и живущихъ въ обителяхъ, то здѣсь мы обнаружимъ два состоянія нашей души. Одно—когда мы чувствуемъ, что внутри насъ, въ нашемъ сердцѣ сидитъ какая то грѣховная заноза, жажда грѣха, склонность къ нему, ощущаемъ какъ бы внутреннее бурленіе, какъ бы червь точитъ насъ и требуетъ себѣ пищи, что и проявляется у мірскихъ людей въ жаждѣ вина, куренія табаку, въ сласти, а у живущихъ въ обителяхъ—въ духовномъ расслабленіи, ропотѣ, нетерпѣніи, духовной прелести (самомнѣніи). Это состояніе души свидѣтельствуеть о томъ, что мы не стяжали еще въ свое сердце благодати Божіей, что она не пріосѣнила еще насъ, что мы лишены ея. Ибо какъ только благодать Божія коснется насъ, срастворится съ нашимъ внутреннимъ существомъ—сейчасъ же пропадетъ жажда грѣха, грѣховная заноза какъ бы извлекается, и мы начинаемъ чувствовать отвращеніе ко всякимъ грѣховнымъ приманкамъ, это и есть второе состояніе души христіанской, озаренной благодатью Божіей.

И если при первомъ состояніи душа наша бываетъ безпокойна и тяжела, при второмъ—мирна, кротка и смиренна.

Почему нѣкоторые въ дни неиспорченной юности, часто люди застѣнчивые, смиренные, кроткіе, для которыхъ міръ со своей злобой, ругательствомъ и развращеніемъ не выносимъ, лелѣютъ мысль о монашествѣ, ищутъ его? Почему и люди, изстрадавшіеся въ этой жизни, для которыхъ міръ со своими приманками дѣлается такимъ отвратительнымъ, также стремятся къ тому же монашеству? Да потому, что монашество въ христіанскомъ сознаніи представляется какъ идеаль христіанской жизни. Монашество таково и есть. Къ сожалѣнію, встрѣчаются среди насъ христіанскіе писатели, которые считаютъ монашество даже явленіемъ ненормальнымъ, неестественнымъ. Какое недомысліе! Можетъ быть общій упадокъ монашескаго духа, могутъ быть отдѣльныя и даже многія лица не удовлетворяющія своему званію монаховъ, но чтобы отрицать монашество, не цѣнить его, это несвойственно христіанамъ. Великая бы была твоя заслуга, христіанскій писатель, если бы ты съ одной стороны съумѣлъ изложить всю высоту монашескаго званія, а съ другой отъ всего своего христіанскаго сердца поболѣлъ бы объ его упадкѣ и о тѣхъ лицахъ, которыя легкомысленно принимаютъ и несутъ это высокое званіе!

Христіанинъ долженъ подвизаться для того, чтобы приобрѣсти благодать Божію и если послѣ подвиговъ онъ бываетъ добродѣтельнымъ, смиреннымъ, кроткимъ и святымъ, то все это производитъ живущая въ немъ

благодать Божія. Всѣмъ христіанамъ пребывать въ этомъ чувствѣ да поможетъ Христосъ Спаситель!

Ты чувствуешь, когда люди къ тебѣ относятся благо-склонно, когда они любятъ тебя, жалѣютъ, чувствуешь и ихъ холодность къ тебѣ, равнодушіе, невниманіе. Такъ не лишай же себя возможности ощутительно сознавать близость къ тебѣ и Господа, Пречистой Его Матери и Святыхъ угодниковъ. Но нужно знать, что эта близость пріобрѣтается только самимъ тобою, ибо Самъ Господь всегда близъ насъ. Не отдаляй отъ себя Спасителя, Божьей Матери и Святыхъ своими пороками и страстями, не будь Іудой, предателемъ, въ дѣлѣ вѣры, не оскорбляй Господа своимъ презорствомъ, и твое сердце обвеселитъ Христосъ, Пречистая и Угодники Божіи. Ты почувствуешь, какъ благъ и милостивъ Господь, какъ тихъ и нѣженъ материнскій покровъ Божіей Матери!

Арсеній, Епископъ Серпуховскій.

Письма въ Возѣ почившаго Высокопреосвященнаго Николая, Архіепископа Японскаго.

Досточтимый отецъ Архимандритъ Павель!

На первый пунктъ я могу отвѣчать только удивленіемъ Вашей разумной распорядительности. Конечно, все установленное Вами для провинціальныхъ моленій хорошо¹⁾; только слѣдовало бы подбучить какъ пѣть, вмѣсто того, чтобъ читать всѣмъ вмѣстѣ; послѣднее похоже на школу, когда ученики всѣ въ одинъ голосъ твердятъ что нибудь, и для молитвеннаго мѣста не совсѣмъ благолѣпно; пѣть же „отче“, „вѣрую“ и пр. подобное такъ просто,—всего двѣ ноты; одну они уже берутъ читая; показать имъ, какъ переходить голосомъ на другую,—вотъ и все,—и будетъ такое же пѣніе, какъ и въ Россіи во всѣхъ простыхъ церквахъ, особенно тамъ, гдѣ пѣніе общее; и одушевленья будетъ больше; тутъ ужъ приметъ нѣкоторое участіе и эстетическое чувство, врожденное каждому. Евангеліе какъ же не читать? Не только позволительно, но и должно; и „аминь“ пусть произносятъ хоромъ; это, вѣроятно, побуждаетъ внимательныхъ слѣдить за тѣмъ, что читаютъ. Введеніе или вторженіе позволительныхъ своеобразностей Корейской Церкви предоставьте времени и обстоятельствамъ. Отъ того же, чтó Вы нынѣ дѣлаете, никакого слѣда свое-

¹⁾ За неимѣніемъ священника въ провинціи, было поручено начетчикамъ собирать по воскреснымъ и празд. днямъ вѣрующихъ въ часовню и вычитывать утреннія молитвы, евангеліе и пр

образности не останется уже потому, что когда тамъ станутъ служить священникъ по установленному служебнику и прочимъ богослужебнымъ книгамъ (когда онѣ переведутся, и когда поставятся корейскіе священники), тогда установленные Вами моленія сами собою прекратятся,—кромѣ развѣ общаго пѣнія, которое не новость. Итакъ, съ Божіею помощію, дѣлайте и вводите все, что ревность по Богѣ и попеченіе о душахъ новопросвѣщаемыхъ внушатъ Вамъ.

Вотъ другой пунктъ Вамъ труднѣе, и на него правила дать нельзя, а нужно сообразоваться съ положеніемъ дѣла, и спрашивать не холодный разумъ только, а и сострадательное сердце.

Брошенная христіанка живетъ наложницей, но если у этого человѣка нѣтъ жены, то не можетъ ли она сдѣлаться законной женой его? А въ такомъ случаѣ нельзя ли обратиться его въ христіанство и перевѣнчать ихъ? Но при этомъ нужно наблюдать, чтобъ не притти въ столкновеніе съ гражданскимъ закономъ; напр., что если появится ея настоящій мужъ и потребуетъ ее къ себѣ, а по корейскому закону она обязана подчиниться его требованію? Или, если, по корейскимъ законамъ, по долговременной неизвѣстности, гдѣ находится мужъ, она имѣетъ право выйти за другаго, то нельзя ли между христіанами или оглашенными найти подходящаго человѣка, съ которымъ бы можно было перевѣнчать ее? Если все это нельзя, то, по моему, слѣдуетъ сказать ей: „храни вѣру Христову и учи ребенка вѣрѣ, храни также доброе поведеніе во всемъ и въ спасеніи души не отчаявайся. Въ таинствахъ церкви ты участвовать не можешь, но въ церковь ходи и молись; ребенка своего приобщай Св. Таинъ (если онъ крещенъ),— онъ ни въ чемъ не повиненъ. Если опасно захвораетъ, то увѣдомь,—будешь напутствована Св. таинствами покаянія и причащенія, во спасеніе твоей души“. И если другаго выхода нѣтъ (пишете: „ни крова, ни куска хлѣба!“),

то Господь съ нею,—пусть живетъ, какъ живетъ нынѣ. Нужно имѣть состраданіе. Но не нужно давать прецедента для нарушенія Богоустановленнаго закона и другими; по этому-то и пусть она будетъ подъ эпитиміей пожизненной. Для вдовъ, конечно, Вы и христіане должны всячески пріискивать всѣ способы доброй жизни: новый выходъ замужъ, способнымъ и нѣсколько образованнымъ—быть учительницами Христа дѣтей, даже заниматься катихизаціей среди женщинъ язычницъ. Съ расширеніемъ круга христіанъ, все это будетъ исполнить легче.

Радуюсь, что у Васъ умножается число христіанъ. Получилъ Вашу книжку на корейскомъ, но она для меня—что „нѣкони кобанъ“ (кошкѣ золотой). Введу, однако, въ каталогъ миссійской бібліотеки.

Преосвященный Сергій здѣсь все больше и больше приживается, и есть надежда, что не убѣжитъ какъ предшественники. Японія ему нравится; по японски научился уже столько, что, посѣщая дома христіанъ, можетъ говорить простыя поученія.

Всею душею желаю полной и непоколебимой устойчивости Корейской Дух. Миссіи!

Съ великими праздниками поздравляю Васъ и всю братію Вашу. Всѣмъ шлю молитвенное благословеніе и сердечный привѣтъ.

Съ почтеніемъ и любовью

Вашъ слуга и богомолецъ

6/19 Декабря 1908.
Токио.

Архіепископъ Николай.

Сила вѣры.

Я слышала въ храмѣ одно поученье,
Какъ надо молиться, чтобъ душу спасти:
Какъ въ мірѣ для сердца найти утѣшенье
И свято-безгрѣшно всю жизнь провести.

Какъ надо бороться съ волнами пороковъ,
Чтобъ внизъ по теченью рѣки не снесло,
Чтобъ совѣсть молчала, не зная упрековъ,
Добромъ побѣждала возникшее зло.

Молитва простая. Я часто слыхала
Разсказы изъ жизни Христа,
Читала сама, какъ жена умоляла

Снять съ дочери тяжесть земного креста.

— „Помилуй мя, Господи, Сыне Давидовъ!

Кричала она, возвышая свой зовъ,

— И сжался, о, сжался надъ дочернимъ видомъ,
Избавь ты её отъ лукавыхъ духовъ!..“

И слышитъ отвѣтъ изъ толпы въ утѣшенье—

Иди, твоей дочери видъ исцѣленья,

Ты вѣрой своей, о, жена, и прошеньемъ

Изгнала нечистаго съ дочери вонъ!“

Не то же ли самое въ жизни бываетъ

И съ похотью нашего сердца—ума?

Въ насъ чувства бѣснуются, страсть убиваетъ

Въ зародышѣ всходы святого зерна.

Но будемъ молиться, взывать, уповая,

Съ той вѣрой, какая была у жены,

И ждать, что услышимъ слова, Кто, спасая,

Сказалъ: Васъ прощаю, вы Мною спасены“.

Евдонія Семенова.

Святой Апостолъ Павелъ, какъ образецъ для пастыря Церкви Христовой*).

(По списку Теофану Затворнику).

Снисходительная любовь Апостола побуждала его избрывать всевозможные способы и приемы, чтобы сблизиться съ людьми самыхъ разнообразныхъ, до противоположности, состояній, заслужить ихъ довѣріе и, т. обр., обезпечить своей проповѣди доступъ въ ихъ сердце. „Будучи свободенъ отъ всѣхъ“, Апостолъ „всѣмъ поработилъ себя, дабы больше приобрести: для іудеевъ онъ былъ какъ іудей, чтобы приобрести іудеевъ; для подзаконныхъ былъ какъ подзаконный, чтобы приобрести подзаконныхъ; для чуждыхъ закона—какъ чуждый закона,—не будучи чуждымъ закона передъ Богомъ, но подзаконенъ Христу,—чтобы приобрести чуждыхъ закона; для немощныхъ былъ какъ немощный, чтобы приобрести немощныхъ. Для всѣхъ я сдѣлался всѣмъ, чтобы спасти по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ“. „Порабощеніе состояло въ томъ, что Апостолъ свой нравъ, свои обычаи и желанія подчинялъ нравамъ другихъ для того, чтобы, так. обр., сблизясь съ ними, находить доступъ къ ихъ сердцу и, полагая тамъ сѣмя слова, приобретать ихъ Господу (Е. Теофанъ). „Когда Апостолъ бывалъ среди іудеевъ, то онъ поступалъ во всемъ внѣшнемъ какъ іудей, не придавая въ совѣсти какого-либо религіознаго для себя значенія всему, что дѣлалъ. Еслибъ онъ являлся въ

*) См. „Г. Ц.“ м. Авг.-Сент.

средѣ ихъ, особясь отъ нихъ въ вещахъ, цѣны нравственной не имѣющихъ, а между тѣмъ любимыхъ іудеями, то оттолкнулъ бы ихъ отъ себя, и тѣмъ пресѣкъ входъ слову своему въ ушеса ихъ... Сюда относятся, напр., обрѣзаніе Тимоѳея въ Ликаоніи, хожденіи въ синагоги по субботамъ, какъ въ Филиппахъ, и слушаніе тамъ закона и молитвъ, и и другое подобное“. (Е. Теофанъ.) Св. Павелъ былъ подъ закономъ, когда напр. остригся, когда приносилъ жертву. Ап. Іаковъ совѣтовалъ св. Павлу исполнить нѣчто по Закону іудейскому, ради увѣровавшихъ, но ревновавшихъ о законѣ. Все это дѣлалъ Апостоль не потому, чтобы перемѣнилъ свой образъ мыслей, но по любви и снисхожденію къ другимъ. „Не на то только смотри, что Апостоль нисходитъ, но и на то, что, нисходя, возстановляетъ лежавшаго внизу, и возводитъ его съ собой“ (Златоустъ).—Являясь среди язычниковъ, „Апостоль, по внѣшней жизни, бывалъ какъ они; ни пищи ихъ не чуждался, ни другихъ обычаевъ ихъ не дичился: былъ, какъ всѣ. Сюда, конечно, не могли входить обычаи, относившіеся прямо къ исповѣданію ихъ вѣры, каковы, напр., жертвы идоламъ и подобное. Но дѣйствуя такъ, Апостоль въ совѣсти своей предъ Богомъ былъ чистъ, ибо по вѣрѣ въ Господа все направлялъ во славу Его, Его законъ носилъ въ сердцѣ, законъ вѣры и любви ко всѣмъ людямъ, ради коихъ умеръ Христосъ, всѣхъ зовущій ко спасенію... „Всякаго рода домостронительство можно видѣть не только въ писаніяхъ, но и въ дѣйствіяхъ Апостола. Ибо иначе бесѣдовалъ въ іудейскихъ синагогахъ, и иначе предлагалъ ученіе въ ареопагѣ, противъ каждой болѣзни употребляя сообразное съ нею врачество“. Различался въ тѣхъ и другихъ случаяхъ и образъ рѣчи—не только языкъ, но и формы для веденія бесѣдъ (Е. Теофанъ). Иначе Апостоль говорилъ съ іудеями и иначе съ язычниками. Съ первыми онъ говорилъ преимущественно языкомъ свящ. ветхозавѣтныхъ книгъ, пророчествъ и прообразовъ, извѣст-

ныхъ и памятныхъ каждому іудею, убѣждая ихъ, что Распятый ими есть ихъ истинный Мессія (напр. Дѣян. XIII, 16—41 и послан. къ Евреямъ). Насколько вѣрнѣе и плодоноснѣе былъ этотъ способъ сѣянія слова Божія, можно судить, напр., по рѣчи Апостола въ Антиохіи Писидійской. Общая картина Вѣтхаго Завета, начертанная тогда ап. Павломъ, и свѣтъ, пролитый имъ на предреченія пророковъ, поразили всѣхъ слушателей. Впечатлѣніе было такъ сильно, что св. Павла просили говорить о томъ-же и въ слѣдующую субботу. Въ рѣчахъ, обращенныхъ къ язычникамъ, Апостолъ для выясненія возвышенныхъ истинъ откровенія говорилъ при помощи различныхъ фактовъ и обстоятельствъ изъ жизни природы и самихъ же язычниковъ, изывалъ къ ихъ совѣсти и разуму, представлялъ евангеліе Христово, какъ „премудрость Божію, въ тайнѣ сокровенную“. И вообще апостолъ примѣнялся къ пониманію и различнымъ особенностямъ духовнаго склада своихъ разнообразныхъ слушателей. Цѣль Евангелія—спасеніе людей.

Открывая христіанамъ силу, постоянство и предметъ своего молитвеннаго подвига, апостолъ тѣмъ самымъ раскрывалъ предъ ними содержаніе христіанскаго идеала, къ достиженію коего они должны стремиться, представлялъ имъ одно изъ сильныхъ побужденій стремиться къ этому.

Всѣми указанными обстоятельствами обезпечивалось благотворное дѣйствіе благовѣстія апостола на души всѣхъ тѣхъ, кто не утратилъ окончательно воспріимчивости къ истинѣ. Но и для этихъ послѣднихъ оно не могло быть безразличнымъ. Благовѣстіе Христово въ ученіи и жизненномъ его осуществленіи въ лицѣ Апостола дѣйствовало безпрепятственно всею полнотою свойственной ему благодатной силы, но дѣйствіе его было различно, до противоположности, вслѣдствіе различія духовнаго состоянія тѣхъ, на кого оно простиралось. Это явленіе изображаетъ Апостолъ въ слѣд- словахъ: „Мы Христово благоуханіе Богу въ спаситель-

ныхъ и погибающихъ: для однихъ запахъ смертоносный на смерть, а для другихъ запахъ живительный на жизнь“. Апостоль, преисполненный видѣнія Христова и благодати Божіей, куда бы ни являлся, являлся именно и очевидно для всѣхъ въ качествѣ глашатая и свидѣтеля спасенія Божія во Христѣ Иисусѣ. Всѣмъ людямъ Апостоль ясно, убѣдительно и осязательно представлялъ, что иного спасенія нѣтъ, какъ въ Господѣ Иисусѣ Христѣ, и нѣтъ иного пути ко спасенію, какъ покаяніе, отверженіе прежней грѣховной жизни, и вѣра въ Господа Искупителя. Безразлично люди относиться къ этому призыву Апостола не могли. Но это отношеніе было весьма не одинаково: одни привлекались къ благовѣстію, а другіе враждебно отталкивались отъ истины и еще болѣе укрѣплялись въ своей прежней позиціи грѣховнаго состоянія, доходя до ожесточенія и прямого противленія истинѣ. Одни вѣровали, освящались таинствами, возраждались къ новой благодатной жизни, преуспѣвали въ ней („спасаемые“). Другіе отвращались отъ слова благовѣстія и враждебно относились какъ къ нему, такъ и ко Христу проповѣдуемому, и къ самому благовѣстнику. „Для болѣзненныхъ глазъ и свѣтъ опасенъ и враждебенъ (раздражительно вреденъ); однако же не солнце причиняетъ вредъ... Такъ и спасительная проповѣдь вѣрующимъ доставляетъ спасеніе, а невѣрующимъ причиняетъ гибель“... (Теодоритъ). „Спаситель, хотя лежитъ на паденіе и на востаніе многимъ, однако не перестаетъ быть Спасителемъ и тогда, когда безчисленное множество людей падаетъ. Итакъ благовѣстіе всегда есть спасительное благоуханіе; но обоня благоуханіе сіе, одни спасаются, а другіе погибаютъ,—такъ, впрочемъ, что если кто погибаетъ, тотъ бываетъ самъ виною своей ꙗгубибели“ (Златоустъ). Во всякомъ случаѣ проповѣдь Апостола, своею истинностію, искреннею убѣжденностію и полнымъ согласіемъ жизни проповѣдника съ проповѣдуемыми началами,—

выводила людей изъ безразличнаго отношенія къ своему спасенію, къ Единому Спасителю міра и „Посреднику между Богомъ и людьми“—Господу Спасителю.

Понятно почему любвеобильный и снисходительный къ немощамъ другихъ Апостолъ вооружался всею силою негодованія противъ „упорства и нераскаяннаго сердца“ людей, и пылалъ обличеніемъ противъ тѣхъ людей, въ которыхъ онъ видѣлъ ожесточенныхъ и безповоротныхъ „враговъ правды“. Но и въ этихъ случаяхъ св. Павелъ не отчаявался окончательно въ спасеніи упорствующихъ.

„Великую для него печаль и непрестанное мученіе сердцу его“ доставляло упорство Израильтянъ, кровно близкихъ ему. Желаніе его сердца и молитва къ Богу объ Израиль—во спасеніе. Онъ желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ своихъ. „Апостолъ готовъ принести за братій своихъ такую жертву, выше которой уже нѣтъ... Тутъ совмѣщено все, что только могъ принести съ своей стороны св. Павелъ. Какая любовь! (Е. Теофанъ). „Любовь Павла была шире моря, сильнѣе всякаго огня“. (Златоустъ).

Такимъ образомъ, вся жизнь Апостола была сплошнымъ, непрерывнымъ актомъ добровольнаго жертвоприношенія для славы Божіей и для спасенія ближнихъ. И такое ни съ чѣмъ не сравнимое величіе духа Апостола становится тѣмъ поразительнѣе, что онъ скрывалъ эту несокрушимую мощь въ „скудельномъ сосудѣ“, въ хрупкомъ и болѣзненномъ тѣлѣ, дававшемъ постоянно чувствовать „немощь плоти“ Но и „въ немощахъ“ Апостолъ сохранялъ удивительное самообладаніе и „благодущіе“ онъ „хвалился“ „своими немощами“, ибо, благодаря имъ, могущественнѣе проявлялась въ немъ благодатная сила Божія. Въ дѣйствованіи и внѣшнемъ обликѣ Апостола ничто не бросалось въ глаза, ничто, какъ говорятъ, не импонировало. Поэтому все чрезвычайное необходимо—относилось къ силѣ Божіей, чрезъ Апостола дѣйствующей.

Какая неистощимая и несокрушимая надежда на Бога, какая глубина смиренія, по коему апостоль не разъ именуетъ себя „извергомъ“ и всѣ труды свои приписываетъ единому Богу, въ немъ дѣйствующему. (I Кор. III, 5—7 и др.).

И какой неисчерпаемый источникъ вдохновенія, утѣшенія, ободренія, наученія и предостереженія для христіанскихъ пастырей!

Профессоръ **С. Заринъ.**

Путь ко спасенію, по св. Григорію Нисскому.

Богословско-психологическій этюдъ.

VI.

Прежде всего, только тотъ можетъ быть въ дѣйствительности „образованъ по таинству“, или имѣть образъ истиннаго послѣдователя Христа, кто неизмѣнно сохраняетъ вѣру въ Отца и Сына и Святаго Духа и твердо стоитъ на почвѣ божественныхъ догматовъ. То „богатство добродѣтели“, которое мы заготовляемъ для вѣчной жизни, „собирается“ „вѣрою въ Бога“ (и любовью къ Нему) и „совѣстливостью“, или „благой совѣстью“, хранимыми на продолженіе всей жизни; такимъ образомъ, „вѣра во Христа даетъ вождельное благо“ быть „участникомъ въ блаженствѣ“. Въ приведенныхъ мѣстахъ св. Григорій говоритъ какъ вообще о вѣрѣ въ Бога, такъ и о Христѣ, какъ главнымъ предметъ вѣры христіанской,—ея центральномъ пунктъ.

Значеніе вѣры въ жизни христіанина столь велико, что онъ долженъ „главнымъ предметомъ молитвы поставлять то“, чтобы его жизнь прославлялось, а не хулилось имя Божіе, и чтобы „свѣтилась вѣра въ таинство“, совершенное Божественнымъ Основателемъ христіанства и Начальникомъ вѣры. Это значеніе вѣры конкретно рисуется св. Григоріемъ въ образѣ вѣры, какъ руководительницѣ въ нравственномъ преуспѣяніи человѣка, какъ такой опорѣ, которая даетъ „помысламъ неуклонность, неизмѣнность и твердость во всякомъ добрѣ“. Вѣра—„броня“, ограждающая душу христіанина. Вѣра и надежда—„жезлы“, на которые

опираемся мы въ своемъ жизненномъ пути и особенно подкрѣпляемъ душу въ изнеможеніи: „въ комъ благочестивая вѣра и непорочная жизнь—тому присуща и сила Христова, а въ комъ сила Христова—отъ того бѣжитъ зло“. Возвышаетъ значеніе вѣры для христіанина тотъ фактъ, что „познаніе истины“, которое благодать Спасителя даетъ всѣмъ ищущимъ его и съ любовью принимающимъ, не остается въ христіанинѣ однимъ лишь голымъ познаніемъ, воспринятымъ и хранимымъ однимъ лишь сознаніемъ человѣка—нѣтъ: оно отражается на всей жизни и дѣятельности человѣка, оно призываетъ всѣ его мыслительные процессы, всѣ его душевные акты, служа „спасительнымъ врачевствомъ душамъ“,—именно, „разрушая обольщеніе, чарующее человѣка, угашая „безчестное мудрованіе плоти“. Освѣщенная свѣтомъ этого „познанія“, душа „принимаетъ единеніе“ съ Богомъ и путеводится имъ къ „Божеству и собственному спасенію“. Итакъ: вѣра—проводникъ души человѣка по пути къ Богообщенію и блаженной жизни.

Факторами такой, хранимой въ теченіи всей жизни христіанина, вѣры служатъ, конечно, Божіе содѣйствіе и свободные акты самодѣятельности человѣка. Перваго—Божіей помощи въ сохраненіи вѣры—христіанинъ проситъ у Бога, какъ мы видѣли, въ своей молитвѣ; „благодать Спасителя“ даетъ ее принимающимъ искренно. Но уже самый актъ обращенія человѣка къ Богу за помощью въ утвержденіи въ немъ вѣры—говоритъ о томъ, что отношеніе человѣка къ вѣрѣ не есть состояніе какого-либо пассивнаго ея усвоенія; при томъ, христіанинъ долженъ „хранить вѣру“,—въ продолженіи всей жизни.

Не оставаясь лишь отвлеченнымъ и голымъ воспріятіемъ, но проникая собою всю душу человѣка, вѣра не можетъ, по Григорію Нисскому, не реализироваться, не воплощаться во всей внѣшней дѣятельности христіанина, не только

служба „опорой“ въ добродѣланіи, но и пораждая добрыя дѣла. Покажи—говоритъ св. Григорій, жизнь, согласную съ вѣрою. А это не иначе возможно—какъ, по низложеніи плотскаго возстанія, упражненіями въ добродѣтели: „вѣра требуетъ (отъ каждаго увѣровавшаго) сопутствія сестры своей—доброї жизни“, въ которой вѣрующій долженъ сохранять неизмѣнное постоянство и твердость, и во „главѣ“ которой—любовь. Связь добродѣланія съ вѣрой необходима для вѣчнаго спасенія: ключъ къ царству Божію—образно выражается св. отецъ—изготавливается только при посредствѣ дѣлъ и вѣры.

Не знаешь развѣ, восклицаетъ св. отецъ, что человѣкъ не иначе дѣлается сыномъ Божіимъ, какъ только—когда дѣлается святымъ“, когда направляетъ свою жизнь, по пути добродѣланія, къ святости и блаженству?

Опредѣливъ, такимъ образомъ, по Григорію Нисскому, добродѣланіе, какъ одну изъ жизненныхъ задачъ христіанина (о другихъ будетъ рѣчь ниже), мы должны своимъ вниманіемъ остановиться на факторахъ, созидающихъ добродѣтельное житіе человѣка—вообще и каждый добрый поступокъ—въ частности.

VII.

Фундаментомъ каждой добродѣтели и всего добродѣтельнаго житія, по Григорію, служитъ свободная воля каждаго. Богъ не можетъ дать человѣку добродѣтели; „самъ человѣкъ измѣняетъ себя, изъ ветхаго превращаясь въ новаго“.

Св. Григорій особенно часто подчеркиваетъ эту мысль о томъ, что „добродѣтель есть нѣчто не подвластное и добровольное“. Онъ утверждаетъ свободу добродѣтели отъ страха, отъ жестокаго надъ человѣкомъ владычества: надлежитъ всегда „по добровольному разсужденію избирать доброе“. По еп. Нисскому, характеръ и значеніе добро-

дѣтели совершенно стираются, если она является вынужденной: что сопряжено съ необходимостью, того никто не назоветъ добродѣтелью и благомъ“.

Въ оцѣнкѣ свободной воли человѣка, какъ фактора добродѣланія и—тѣмъ самымъ—спасенія, св. отецъ иногда какъ бы впадаетъ въ крайность, когда приписываетъ и то и другое, повидимому, свободной волѣ, т.-е. естественнымъ силамъ человѣка. Сотворившій человѣка по Своему образу—говоритъ св. Григорій—вложилъ въ его природу источникъ ко всякому добру. Поэтому въ нашей волѣ—„братъ благо изъ нашего естества“, какъ намъ угодно и необходимо, какъ бы изъ какой-либо сокровищницы; и никто не можетъ „получить желаемое“, какъ только—если „самъ себѣ даруетъ благо“. Объ этомъ же—по Григорію Нисскому—говоритъ Господь словами: „Царство Божіе внутрь васъ есть“, и „всякій просящій получаетъ, и ищущій находитъ, и стучащему отворять“.

Далѣе, добродѣтель, какъ таковая, начинается прежде всего съ свободнаго признанія человѣкомъ „блага и премудрости“, т.-е. съ правильнаго сужденія о томъ, что нравственно хорошо, желательно Богомъ и ведетъ ко спасенію. Рѣшеніе—слѣдовать или не слѣдовать нашему выбору, опять зависитъ отъ свободной воли; плодъ этого рѣшенія (положительнаго)—„отчужденіе отъ зла“—и есть начало добродѣтельной жизни, за нимъ слѣдуетъ положительный путь жизни по заповѣдямъ, „навыкъ къ лучшему“ и уподобленіе Божеству. Факторъ всей добродѣтельной жизни—свободная воля человѣка... Благодаръ, возраждающая человѣка, въ крещеніи, не нанесла никакого ущерба этой „самоуправной и свободной силѣ“, вложенной Господомъ въ наше естество, т.-е. свободной воли, руководимой разумомъ и направляющей наши поступки.

Исходя изъ всѣхъ этихъ положеній, св. Григорій имѣлъ основаніе сказать, что каждый человѣкъ самъ себѣ готовитъ и приговоръ Божьяго Суда, Который (судъ) сообразно съ нашимъ произволеніемъ, „удѣляетъ каждому, что человѣкъ приобрѣлъ самъ себѣ“,

Но такое мнѣніе св. Григорія Нисскаго о широкомъ значеніи свободной воли человѣка въ его нравственной жизни надлежитъ тотчасъ же поставить въ параллель съ твердымъ и яснымъ утвержденіемъ св. Григорія—относительно необходимости благодатной помощи Божіей для поддержанія въ насъ естественныхъ силъ къ добродѣтели, недостаточныхъ, самихъ по себѣ, средствъ для добродѣтельной жизни: „сила человеческой добродѣтели—вотъ подлинныя слова св. отца—сама по себѣ недостаточна, чтобы возвести къ совершенству души, непричастныя благодати“. При этомъ св. Григорій настойчиво говоритъ, что благодать обращается лишь къ свободнымъ душевнымъ силамъ, къ свободному самоопредѣленію человѣка, которое сохраняется у человѣка на всемъ пути добродѣтельной жизни; и желаніемъ человѣка принять и хранить благодать опредѣляется степень участія благодати въ дѣлѣ спасенія человѣка.

„По мѣрѣ вѣры“ cadaго изъ искренно пріившихъ дары св. крещенія, Св. Духъ является для христіанина „Помощникомъ и Сожителемъ, создавая въ каждомъ благое для споспѣшествованія душѣ въ дѣлахъ вѣры“; возникающее въ насъ желаніе добра Онъ укрѣпляетъ, приводитъ въ исполненіе, а „чуждые“ помыслы, появляющіеся въ душѣ добродѣтельнаго человѣка, Онъ истребляетъ еще сокрытыми, прежде ихъ произрастенія. Мы „во всякомъ добрѣ“ состоимъ „подъ животворною властью“ Того, Чья помощь подкрѣпляетъ добродѣтельныхъ людей въ ихъ добродѣлани, Чьи „чада“—наши добрыя дѣла, и Чью благодать человѣкъ

„претворяетъ въ жизнь“, идя путемъ восхожденія къ Богу. „И вѣчная жизнь и неизреченная *радость* на небесахъ“—подаются намъ благодатию св. Духа, которая, въ конечномъ итогѣ, и содѣваетъ спасеніе человѣка (т.-е. доводитъ до конца), хотя и безъ нарушенія свободнаго самоопредѣленія человѣка.

Такимъ образомъ, въ благодатной помощи со стороны Бога намъ подаются средства для достиженія вѣчной жизни. Но—говоритъ св. отецъ—„достоинство принять даръ и вкусить благодать получаетъ любовь по вѣрѣ трудами“, т.-е. благодать можетъ быть сообщена только тому и воспринята только тѣмъ, кто содѣлалъ себя своими трудами, достойными принятія этого дара. Человѣческія усилія и подвиги лишь готовятъ почву для плодотворнаго дѣйствія св. Духа, Который—Отецъ нашихъ добродѣтелей; человѣку принадлежать лишь условія пользованія тѣми средствами и спасенія, которыя даются ему только однимъ Богомъ.

При такомъ сочетаніи „благодати Духа“ и „правды дѣлъ“, какъ продукта личной самодѣятельности человѣка, оба эти фактора (*благодать и самодѣятельность человека*) „взаимно исполняютъ блаженную жизнью ту душу, въ которой стеклись“. Каждый изъ нихъ, самъ по себѣ, не доставляетъ никакой пользы душѣ: благодать не живетъ въ душахъ, избѣгающихъ спасенія, а человѣческія силы, какъ мы уже говорили словами св. Григорія, безъ причастія благодати, не въ состояніи привести душу къ совершенству; аще не Господь созиждетъ домъ и хранитъ градъ, всуе трудятся о томъ (Пс. 126, 1).

Въ особенной помощи Божіей нуждается тотъ, кто несетъ подвигъ дѣвства, кто идетъ этимъ путемъ,—который есть „нѣкая дверь и входъ къ болѣе святому роду жизни“. „Священный образъ дѣвства“—говоритъ св. Григорій, можетъ быть усвоенъ лишь тѣми, кому „по благоволенію“

содѣйствуетъ благодать Божія (но содѣйствуетъ ихъ личнымъ усиліямъ и подвигамъ); дѣвство—великій Божій даръ. И этотъ даръ даетъ способность къ достиженію болѣе божественной жизни, къ уподобленію безплотному естеству; онъ болѣе вѣрнымъ путемъ приводитъ посетителей этого дара къ соучастію въ святости Божіей. Примѣры дѣвственной, какъ и вообще добродѣтельной жизни—многочисленны; многія носители дѣвства выходили побѣдителями изъ борьбы своей плоти съ духомъ и, переплывая волны житейскія достигали пристани воли Божіей. И ты, увѣщаетъ св. Григорій, имѣя такіе образцы подвижниковъ, „смѣло пускайся въ благое плаваніе, направляемый кормиломъ цѣломудрія, при вѣяніи св. Духа, имѣя кормчимъ Христа“. Потщись стяжать тотъ вѣнецъ, который уготовляетъ Богъ каждому подвижнику правды.

Говоря о доорудѣтеляхъ и добродѣтельной жизни, св. оецъ называетъ молитву „нѣкимъ предводителемъ лика добродѣтелей“, потому что посредствомъ „таинственнаго дѣйствія“ она вводитъ того, кто „прилежаетъ“, въ ней, въ единеніе съ Богомъ и снискиваетъ молящемуся Божіи дары и Божію благодатную помощь. Специально о благодатной помощи Божіей, въ дѣлѣ своего правственнаго преуспѣянія, человекъ молится Богу словами: „да святится имя Твое“. Въ это прошеніе св. Григорій вкладываетъ такое содержаніе: „при содѣйствіи Твоей помощи да содѣлаюсь неукоризненнымъ, справедливымъ, благочестивымъ, буду воздерживаться отъ всякаго лукаваго дѣла, говорить истину, дѣлать правду; ходить по правотѣ, отличать цѣломудріемъ, украшаться нерастлѣнимъ мудростію и благоразуміемъ, мудрствовать горнее, презирать земное, просіявать ангельскимъ житіемъ“—словомъ, выполняю, при Твоей помощи, идеаль моей христіанской жизни! Человекъ, по Григорію Нисскому, иначе и не можетъ прославлять Бога своею жизнію, какъ только въ томъ

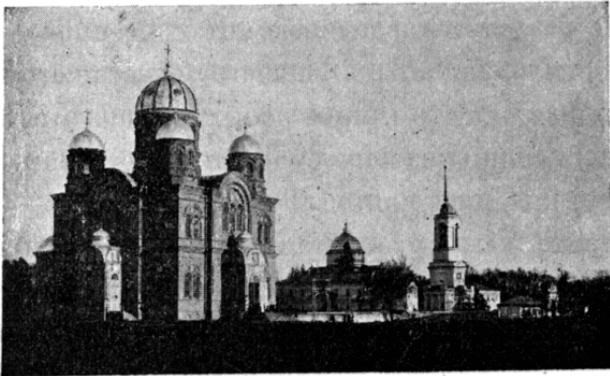
случаѣ, если добродѣтельная жизнь человѣка свидѣтельствуеть, что: причина благъ — въ Божіемъ могуществѣ“, а человѣческая природа—„немошна“ для приобрѣтенія чего-либо добраго и нуждается въ Божіемъ содѣйствіи. А прославлять овоею жизнію имя Божіе—„есть главное для меня изъ всѣхъ благъ“.

Итакъ: божественнымъ источникомъ орошается каждая „душевная добродѣтель“; но открыть этотъ источникъ лишь для ревнующихъ о добродѣланіи и своемъ спасеніи. И вся добродѣтельная жизнь человѣка не только отдѣльныя добродѣтели—находится подъ дыханіемъ св. Духа, потому что нѣтъ добродѣтели, не связанной съ другою добродѣтью. Кто приобрѣлъ одну добродѣтель, тотъ необходимо тотчасъ же приобрѣтаетъ и другія, и сколько разъ человѣкъ нуждается въ благодатной помощи Божіей, сколько разъ душа слышитъ голосъ Жениха: возстани и прииди!—столько разъ Господь даетъ силы для восхожденія къ большому совершенству. Душа непрерывно должна парить къ горнему, и если „не желаетъ оставлять недостигнутой еще выше усматриваемую высоту“—должна возжаждать итти безпредѣльно къ большому и большому совершенству... У добродѣтельной жизни одинъ предѣлъ совершенства—не имѣть самаго предѣла въ восхожденіи къ Богу путемъ доброй жизни, потому что—„конецъ добродѣтельной жизни есть уподобленіе Божеству“, и черезъ то, уже какъ мы видѣли, блаженство. Это добродѣланіе питаетъ человѣческія естественныя силы своимъ трудомъ, не ослабляя, но увеличивая своими подвигами напряженіе къ труду добродѣтельной жизни.

Иеромонахъ Николай Ярушевичъ.

Гдѣ отдохнуть?

*(Никола-Успенскій пристанской мужской монастырь
Воронежской губ., Валуйскаго уѣзда).*

I.

Даже по пути къ этому благодатному уголку пришлось много услышать интереснаго, многому кое-чему поучиться отъ спутниковъ по поѣздкѣ, переполнявшихъ, по мѣрѣ приближенія отъ ст. Лиски, Юго-Восточныхъ жел. дорогъ, къ станціи Валуйки, вагоны третьего класса.

Здѣсь мнѣ пришлось тысячный, если не больше, разъ убѣдиться въ глубокой проницательности, вдумчивости и въ богатомъ умѣ нашего русскаго, въ особенности вѣрующаго, простолюдина, и еще разъ сказать самому себѣ: какъ много проигрываютъ наши государственные люди, отошедши отъ былого древне-русскаго христіанскаго обычая,—вмѣсто того, чтобы въ угоду общественному мнѣнію и политическимъ тонкостямъ раздѣлять съ язычниками ихъ молитвенныя торжества въ идольскихъ капищахъ, какъ это иногда

дѣлается въ наше время,—устраивать хотя бы разъ въ нѣсколько лѣтъ посѣщеніе нашихъ русскихъ святыхъ обителей.

Если прислушаться въ этихъ мѣстахъ къ говору русскаго люда и присмотрѣться къ духовной красотѣ, къ уму, къ самобытной оригинальности и къ бытовому укладу „соли русской земли“—къ нашему русскому крестьянину, многому можно было бы научиться.

На самомъ дѣлѣ, какъ красивъ душою этотъ сѣрый, пренебрегаемый раздутою горделивою интеллигенціею, русскій народъ,—этотъ фундаментъ нашего блестящаго прошлаго, красиваго настоящаго и ярко вспыхивающаго всѣми лучами восходящаго солнца нашего будущаго,—этотъ многомилліонный массивъ нашей святой Руси.

Посмотрите, какая проклятая разница между нимъ—этимъ массивомъ и нашимъ дряблымъ интеллигентомъ.

На одной сторонѣ жизни—необъятная богатырская мощь царя земли, въ самомъ точномъ пониманіи этого слова.

Ея хозяина.

Землероба.

Богатырская сила.

Смѣлый широкій размахъ.

„Раззудись плечо,“

Размахнись рука...

или:

Коль любить,

„Такъ сгоряча;

Коль рубить,

Такъ ужъ сплеча...“

Спокойное, увѣренное выраженіе на лицѣ во время жизненной невзгоды, засухи, холоднаго ледяного града, отнимающаго у него пропитаніе на цѣлый годъ; безвременнаго дождя, безжалостною рукою отрывающаго насущную силу у его скотинки.

И спокойный радостный взглядъ, твердая надежда на Господа Бога, Царицу Небесную, на чудодѣйственную молитву святой церкви и родимой матушки, когда онъ по волѣ Царя-батюшки, тамъ.. далеко отъ родныхъ полей, подъ градомъ осыпающихъ его жгучихъ пулъ, при воѣ переливающейся въ различныхъ тонахъ кононады, съ съ винтовкою въ рукахъ, а не такъ давно, къ нашей великой скорби, такъ и съ голыми руками, шолъ брать врага, злобнаго нехристя-басурмана, побратима изувѣра турка,—германца проклятаго.

Не устрашаютъ его благородной души (какими то слѣпыми кротами прозванную „темною“) ни удушливые газы кайзера окаяннаго; ни огромные завывающіе чемоданы слуги и клеветы послѣдняго,—Крупна, ни изувѣрскія пытки, ни измывательства, ни разстрѣлы, ни звѣрскія казни просвѣтленныхъ культурою безцерковнаго Лютера.

Онъ знаетъ, нашъ отечественный герой,—жизнь на землѣ коротка: его путь отъ креста крестильнаго до креста могильнаго, а все—тамъ на небѣ. Вотъ онъ и несетъ свой крестъ, какъ ему говорилъ его „батька“—не за награду здѣсь, не за страхъ, а за совѣсть.

Только бы Господь Своимъ крестомъ не оставилъ, да Пречистая Свой покровъ не отняла.

Остальное все тринь трава.

И до сихъ поръ въ русскомъ народѣ, что не зипунъ, то Давидъ, и что не халать, то Сусанинъ.

И такого то народа у насъ на руси 120 миллионовъ.

И этотъ народъ, питаясь около земли, живетъ, какъ Божій слуга, какъ Божье дѣтище.

Во всемъ у него Богъ.

Онъ знаетъ, что онъ безъ Бога—ничто.

Такъ исторически сложилась его жизнь.

Такъ она росла, развивалась и крѣпла.

Его догматы и жизни, и религіи былъ одинъ.

„Такъ угодно Господу.“

„Да будетъ Его святая воля“.

„Въ животѣ и въ смерти Богъ воленъ.“

Этому его научила его родная мать, которая его кормить,—сыра земля.

Уродилъ Господь хлѣбушка; выпалъ градъ, родился новый работникъ въ семьѣ; по чести, по совѣсти выгодно продалъ лишнее зерно, случилось несчастіе—спалило огнемъ; убило грозой работника въ полѣ; налетѣвшимъ вихремъ поразметало сложенное въ стогахъ сѣно; умерла старуха мать; дала хорошій приплодъ жирная свинка,—во всемъ онъ видитъ полную свою зависимость отъ руки Бога.

„Слава Богу...“

„Господь не даль...“

„Не угодно Его святой волѣ...“

„Такъ нужно...“

Вотъ его философія.

Жизнь въ природѣ является для него той живою книгою, въ которой онъ видитъ руководящій его жизнью перстъ Божій.

А на другой сторонѣ жизни находится другая маленькая кучка людей, по какому то несчастному року, точно по проклятію, оторванная отъ этого великаго фундамента необъятнаго русскаго зданія, воспитанная на западной культурѣ, предъ представителями которой теперь стыдливо опускаютъ глаза даже кровожадные волки, гіенны, пантеры; въ глубокое недоумѣніи застыли гадюки, воронье и стервятники, и въ благородномъ негодованіи скрылись, отрясая прахъ отъ своихъ ногъ, цари пустыни—благородные львы.

Эта несчастная кучка людей, не зная души русскаго народа, самой основы его вѣры, стремится очень часто, сама не сознавая того, расшатать устой жизни истинныхъ „чадъ Божіихъ“ и перевести ихъ въ лагерь „чадъ сатаны.“

Первымъ и лучшимъ средствомъ для этого является городъ съ его фабриками, съ его отхожими промыслами, съ его случайными заработками, гдѣ совершенно исчезаетъ высокое сознание Божьяго водительства, ежеминутной, ежесекундной зависимости отъ Его попечительства; гдѣ красота единенія вокругъ святой Церкви, какъ у источника духовнаго питанія и роста человѣческой жизни, смѣняется горделивымъ безумнымъ самообманомъ; гдѣ каждый можетъ говорить: „на что мнѣ вѣра, на что мнѣ Церковь, на что мнѣ Богъ, когда я въ каждый моментъ могу достать себѣ „два-три рубля на дневное пропитаніе“.

Люди, запутанные такимъ образомъ кознями врага Христа забываютъ въ своемъ безуміи, что Господь силенъ каждый моментъ оставить не только человѣка съ тремя рублями, а даже людей обладающихъ милліардными средствами, безъ пищи, безъ питанія. И даже можетъ лишить возможности пользоваться этою пищею если бы ея былъ избытокъ.

И эти двѣ группы людей совершенно не знаютъ другъ друга, хотя вторая считается „опекающей первую.“

Опекающій не знаетъ опекаемаго, потому что не видитъ его души, не понимаетъ его жизни и далекъ отъ запросовъ его духа и отъ условій его быта.

Опекаемому нужна рыба, а опекающій предлагаетъ ему змѣю.

Опекаемому нуженъ хлѣбъ, а опекающій даетъ ему камень.
Ужасно!...

Все, что сказано здѣсь находитъ подтвержденіе въ нижеслѣдующихъ отрывкахъ изъ бесѣдъ моихъ спутниковъ.

Всѣ ѣхали на хромовой праздникъ въ Николо-Успенскій монастырь 9-го мая.

Шесть часовъ вечера. Солнце еще высоко надъ горизонтомъ. Разговоръ въ вагонѣ производилъ впечатлѣніе шума отъ пчелинаго роя.

Въ небольшой группѣ,—состоящей изъ солиднаго русскаго покроя мужчины, очевидно, купца, съ женой и двумя дочерьми, и довольно богато одѣтой барыни, тоже пожилыхъ лѣтъ, ѣхавшей въ сопровожденіи двухъ маленькихъ кадетиковъ,—слышится такой разговоръ:

—... А вы, сударыня, въ первый разъ изволите ѣхать къ намъ, въ Валуйки? спрашиваетъ купецъ.

— Да... но, вотъ только не знаю, гдѣ остановиться въ монастырѣ или въ городѣ?

— Конечно, въ монастырѣ,—авторитетно отвѣчаетъ купецъ: монастырь отъ города верстахъ въ шести. Не находишься и не наѣздишься... Оно, конечно, у кого есть средства... За то въ монастырѣ чудесно. Народу въ эти дни стекается тысячь до двадцати пяти, а то такъ и побольше, а вотъ на Успеневъ день—здѣсь ярмарка, такъ и въ тридцать не вгонишь.

— Почему же такое стеченіе, — мощи здѣсь есть? спрашиваетъ барыня.

— Нѣтъ, мощей здѣсь нѣтъ. Есть чудотворная икона Николая Угодника.—пещеры. А стекается народъ потому, что здѣсь, первое дѣло, старецъ святой жизни о. Филиппъ, величайшій прозорливецъ. Потомъ служба. Такая, матушка, служба, что одна всенощная, что твой Афонъ: шесть—семь часовъ тянется. Потомъ этой самой службой весь день занять человѣкъ. Вотъ вы считайте: въ 2 часа ночи—утреня; въ 5 часовъ утра—ранняя обѣдня; въ восемь часовъ утра—поздняя обѣдня. Послѣ поздней обѣдни крестный ходъ либо въ Валуйки, либо въ свои пещеры, либо въ часовню, гдѣ явилась икона святителя Николая. Это слишкомъ двѣ версты. Возвращаются съ крестнымъ ходомъ около часа, а то такъ и въ два. Въ три часа бесѣда съ народомъ. Здѣсь ведутъ бесѣду не только священники, но и частныя лица. Говорятъ хорошо, трогательно. Такъ вотъ и слушалъ бы, и слушалъ бы. Не успѣютъ кончить бе-

сѣду, а ужъ въ пять звонять ко всепощной. Въ двѣнадцатъ ночи кончается всенощная. А иной разъ, если не большой праздникъ завтра, то всенощная кончается часовъ въ десять, а послѣ всенощной идетъ на открытомъ воздухѣ бесѣда съ туманными картинами. Народу набирается на площади около храма тысячъ до десяти. Вотъ и судите сами—какъ много дается здѣсь для души-то. Вотъ потому народъ то и рвется сюда, чтобы здѣсь въ молитвѣ, въ пѣнопѣни, да въ словѣ Божиємъ, какъ въ источникѣ святоносномъ, всю тоску; все горе, всѣ язвы грѣховныя отмыть, Игуменъ здѣсь,—отецъ Игнатій,—человѣкъ чуткой души. Самъ изъ народа, и душу народную знаетъ, поэтому все предуготовляетъ такое, что бы дѣйствительно тутъ можно было не только отдохнуть, а даже исцѣлиться душой. Вотъ каждый разъ третій годъ устраиваетъ здѣсь народно-миссіонерскія бесѣды. Приглашаетъ не только проповѣдниковъ изъ нашей епархіи, а даже и столичныхъ. А если бы вы посмотрѣли—какъ самъ то онъ трудится. Ночей не спитъ. Всѣмъ старается услужить. Всякаго обласкать. Всякому помочь. А вотъ, когда бываетъ ярмарка—то,—такъ онъ чуть гдѣ только, кто вздумалъ около монастыря покурить, или, избави Богъ, на гармоникѣ заиграть, онъ тутъ, какъ тутъ. Сейчасъ это такъ ласково, добродушно попросить не курить и не играть, и никто ему не перечить. Всѣ видятъ передъ собою Божьяго человѣка. А иноки-то, а служба-то. Когда слушаешь пѣніе, такъ прямо не знаешь, гдѣ находишься: на землѣ или на небѣ. Хорошая обитель. Прямо можно сказать, рѣдкостная!...

Маленькая пауза, послѣ которой купецъ снова обращается къ дамѣ.

— А вы, сударыня, по какому поводу изволите сюда вѣхать?

— Да вотъ мужъ у меня въ плѣну, такъ вотъ не знаю,— гдѣ бы можно было хотя день отдохнуть душой. Тоска...

тоска (въ голосѣ слышно рыданіе, Кадетики съ тревогой всматриваются въ лице матери). Вотъ и ѣду сюда забыться, отдохнуть, хоть немного успокоиться...

Въ противоположной сторонѣ, идетъ разговоръ нѣсколько иного направленія. Говоритъ какая то, по виду, городская женщина.

...Нѣтъ, миленькіе мои, о. игумень здѣсь рѣдкостный человѣкъ. Онъ все знаетъ. Почему мы сейчасъ,—вотъ взять хоть бы меня: я ѣду изъ Павловска.—почему меня тянетъ сюда? Потому что я, здѣсь, кромѣ святой молитвы, сразу узнаю, что мнѣ нужно по нынѣшнимъ временамъ для спасенія души...

Маленькая пауза. Говорящая глубоко вздыхаетъ и продолжаетъ дальше:

— Крестный ходъ.... крестный ходъ. Надъ этимъ смѣются. Говорятъ,—все это устарѣло; пора все бросить. А вотъ я знаю случай отъ крестнаго хода-то. Надумали наши Воронежскіе миссіонеры, пройти съ крестнымъ ходомъ черезъ хлыстовскія селенія, да черезъ Ново-Израильскія. Наканунѣ у ново-израиля былъ какой то праздникъ, должно быть своего христа-Лубкова вспоминали. А на другой день, какъ подошелъ къ селу крестный ходъ-то, да съ народнымъ пѣніемъ. Народу-то шло за крестнымъ ходомъ видимо невидимо. Денекъ удался ясный. Хоругви и кресты такъ и горятъ на солнышкѣ. Всюду колокольный звонъ. Народъ поетъ „Христосъ Воскресе.“ Пасха да и только. Выбѣжало на встрѣчу все селеніе. Выбѣжала и одна семья Лубковцевъ. Много времени до этого вели съ нею бесѣду и попы, и отцы миссіонеры,—ничего не выходило. Потому что не всякаго человѣка словомъ то возьмешь. А тутъ какъ увидали торжество-то несказанное; красоту-то святую, православную. Да какъ почувствовали, что они чужіе на этомъ Божьемъ торжественномъ праздникѣ; да какъ разревѣлись сначала молодежь—бабы, а за ними и старики. А на другой день

расплевались съ своими сектантами вожаками, да къ старому православію то и вернулись. Вотъ оно что значить крестный ходъ-то! Не даромъ говорятъ, что во время каждаго крестнаго хода незримо идетъ Господь нашъ Спаситель....

Не подалеку еще идетъ такой разговоръ. Говорить старичекъ, очевидно мѣстный крестьянинъ:

...— Чѣмъ дороги эти миссіонерскія собранія? А тѣмъ, что здѣсь даютъ тебѣ такія знанія въ православной вѣрѣ, о которыхъ ты никогда раньше и не слыхалъ. И ты, если побываешь на такихъ курсахъ разокъ, другой, третій,—у тебя относительно сектантовъ, какъ повязка съ глазъ свалится. Ты сразу поймешь, гдѣ зарыта сектантская собака. Тебя такъ и будетъ тянуть подѣлиться своими знаніями съ мало свѣдующими людьми. А если ты захочешь быть „ревнителемъ“ тебѣ всѣ пути открыты поработать для Христа и для церкви. А это для души человѣческой очень важно. Что сказано въ посланіи апостола Іакова? Не знаешь? А вотъ что: „если кто обратитъ грѣшника отъ ложнаго пути,—то спасетъ душу свою отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ.“ Вотъ оно что...

— А что такое, дяденька, „ревнитель?“ спрашиваетъ женскій голосъ.

Ревнитель то? Это тотъ, который пожелаетъ, значить, объяснять заблуждающемуся правильные пути Христовой вѣры и правильное пониманіе православной религіи.

А можетъ, дяденька, ревнителемъ быть женщина? робко спрашиваетъ тотъ же женскій голосъ.

— А почему же нѣтъ? Женщина то обязана знать по православію больше, чѣмъ всякій мужчина: она воспитываетъ дѣтей, чай.

Напротивъ меня идетъ другой разговоръ:

— Вѣдь что особенно дорого въ наше время—это проповѣдь, и проповѣдь не только что въ церкви, но и внѣ церкви. А знаете почему?.. Потому что насъ пріучили къ

этой проповѣди „наши освободители“, чтобы имъ пусто было въ 1905 году. И нашъ народъ сталъ болѣе прислушиваться къ проповѣди во внѣ церковной обстановкѣ. Это прекрасно поняли и учли наши Воронежскіе миссіонеры и совершенно правильно пошли этимъ же путемъ: врага всегда должно бить его же орудіемъ...

Сзади меня идетъ тихая бесѣда повидимому чрезвычайно интеллигентныхъ паломниковъ.

...— Я потому высоко цѣню такихъ работниковъ и руководителей, какъ батюшка о. Игнатій, въ особенности въ наше тяжелое время. Это—большіе люди, живя въ монастырѣ, помимо заботъ о спасеніи своей души, принимаютъ всѣ мѣры къ спасенію чужихъ душъ, въ особенности мірянъ. Я не помню, но, кажется, у Дмитрія Ростовскаго говорится, что: монахъ—это та сухая палка, по которой долженъ виться виноградъ, растущій въ шаткой обстановкѣ мірской жизни. Этимъ я только и объясняю инстинктивное стремленіе нашего русскаго мужичка въ моментъ тяжелыхъ переживаній искать отдыха и подкрѣпленія силъ въ нашихъ монастыряхъ. Если бы тѣ, которымъ ввѣрены судьбы нашего народа, наблюдали, куда въ тяжелые моменты жизни устремляется не только простой, но и интеллигентный людъ, —они поняли бы, какую страшную силу и значеніе имѣетъ Церковь даже въ наше время, и очень, очень оберегали бы ее отъ травли въ печати, чего не существуетъ ни въ одной мало-мальски культурной странѣ, и чего не допускается даже у насъ ни къ одной изъ существующихъ въ Россіи другихъ религіозныхъ динаминацій, и избавили бы ее отъ непрошенной опеки всѣхъ искателей приключеній... и вообще, отъ всего, что испытываетъ она въ наше нескладное время....

Такіе приблизительно разговоры пришлось слышать почти безъ перерыва до того момента, пока кто-то не крикнулъ: „Монастырь, монастырь!“ Всѣ повскакали со своихъ

мѣсть, подошли къ окнамъ, сняли шапки и благоговѣнно осѣняли себя широкими крестами.

А на лѣвой сторонѣ полотно изъ за густой бархатной зелени красиваго лѣса отчетливо высился грандіозный храмъ Николо-Успенскаго монастыря и своею мощью, величіемъ какъ будто, подтверждалъ слова только, что окончившихъ свою бесѣду, сидѣвшихъ сзади меня собесѣдниковъ:

... „Они поняли бы какую страшную силу и значеніе имѣеть Церковь..“ и хотѣлось добавить: потому что ее возглавляетъ Самъ Господь и потому еще, что еѣ „не одолѣютъ даже врата ада“, а не только какія нибудь измышленія жалкаго человѣческаго ума.

Видѣли мы, что дѣлала съ Церковью таже печать въ 1905 году, а чего она достигла?

Только лишь подтвердила обѣтованіе Христа: „не одолѣютъ Церкви и врата ада.“

II.

Николо-Успенскій Валуийскій монастырь является одною изъ тѣхъ русскихъ обителей, которая, по своему внѣшнему устроенію, по окружающей ея природѣ, даже по своимъ топографическимъ условіямъ какъ то сразу приковываетъ къ себѣ и взоръ и, самое главное, душу человѣка.

Мнѣ кажется, ни одна изъ религій всего необъятнаго христіанскаго міра не обладаетъ, въ этомъ отношеніи, такими яркими доказательствами своей истинности, апостольской пріемлемости; красоты вдохновенія свыше, и божественной благодати, какъ православная религія.

Стоитъ только даже бѣгло взглянуть на православныя, русскія обители,—я въ данномъ случаѣ разумѣю, наши монастыри, пустыни, и скитонасельниковъ,—чтобы убѣдиться въ томъ, что каждымъ создателемъ такой обители руководила благодатная сила Божія.

Сколько красоты; какое должно быть глубокое пониманіе человѣческой души не только здоровой, но и больной; всей шири разнообразія ея запросовъ, и какую нечеловѣческую способностью долженъ былъ обладать тотъ, большею частью мало развитой, мало культурный, мало интеллигентный съ современной точки зрѣнія,—монахъ, подвиго-положникъ. строитель каждой такой обители.

Копія съ чудотворной иконы св. Николая въ Николо-Успенскомъ Валуйскомъ монастырѣ.

Въ особенности большимъ чудомъ,—необъяснимымъ, никакими научными теоріями,—выявляется этотъ фактъ для человѣка, мало-мальски знакомаго съ страшно сложною структурою человѣческой души.

Когда этому человѣку, на основаніи и жизненнаго, и научнаго опыта, хорошо извѣстно, что, если страшно требовательна и прихотлива въ своихъ вкусахъ душа каждого отдѣльнаго „нормальнаго“ человѣка, то эта прихотливость, это разнообразіе, эта требовательность у больной, страдаю-

щей, скорбноѣ души переходить границы самаго причудливаго воображенія.

Изстрадавшейся, измученной, изболѣвшей душѣ малѣйшій диссонансъ, малѣйшее несоотвѣтствіе на фонѣ ея большого вкуса приноситъ еще большее уныніе, еще большую скорбь, еще большую печаль, еще большее разочарованіе.

И потому останавливаю свое вниманіе здѣсь на больныхъ душахъ, что они то по большей части въ своихъ исканіяхъ и идутъ въ монастыри, помните стихотвореніе:

„Если ты обездоленъ людьми и судьбой;
 Если горе къ тебѣ залетѣло;
 Если тяжкій недугъ, присосавшись змѣей,
 Какъ огнемъ изсушилъ твое тѣло;
 Если нѣтъ отъ тоски тебѣ сна по ночамъ;
 Если трудъ твой въ рукахъ не спорится,—
 Поѣзжай приложиться къ мощамъ,
 Поѣзжай въ монастырь помолиться.“

А между тѣмъ, стоитъ только такому страдальцу придти въ любую изъ нашихъ православныхъ обителей; стоитъ только бѣгло взглянуть на весь ансамбль, на всю гармонію, на весь мощный и до поразительности стройный аккордъ сочетаній и природы, и красокъ, и зданій, и людей, и даже звуковъ колокольнаго перезвона церковнаго благовѣста, чтобы изстрадавшаяся грудь широко, облегченно вздохнула, чтобы много пролившія слезъ потускнѣвшія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже озлобленныя, очи, ярко вспыхнули огонькомъ, отраженной въ нихъ зари, если не счастья, то, во всякомъ случаѣ, спокойнаго, свѣтлаго, радостнаго отдыха.

Вѣдь, если трудно, да не только трудно, но не возможно написать такую картину, создать такую музыку, воспроизвести такую литературу, построить такое зданіе, выбрать такое мѣсто, которое могло бы быть по вкусу, во всѣхъ отношеніяхъ, сотнямъ, тысячамъ различныхъ человѣче-

скихъ индивидуалей, только лишь потому какъ говорилъ одинъ изъ профессоровъ экспериментальной берлинской психо-патологической клиники—что легче въ одномъ возу найти двѣ абсолютно одинаковыя горошины, чѣмъ подыскать во всемъ мірѣ двухъ одинаковыхъ по вкусовымъ требованіямъ людей,—тогда, — чѣмъ же объяснить,—какъ только не чудеснымъ Божьимъ водительствомъ тотъ фактъ, что, повторяю, простой, неразвитой, ничего не видѣвшій въ мірѣ искусствъ, въ мірѣ изящнаго, большею частью изъ простыхъ сѣрыхъ людей, монахъ-отшельникъ, безо всякой разбивки мѣстности, сплошь и рядомъ въ такой глуши, въ такой непреодолимой чащѣ, въ которой даже опытный глазъ, безъ математическихъ инструментовъ, не въ состояніи мысленно представить себѣ ситуацію данной мѣстности, могъ выбрать, создать то, что не только успокаиваетъ но и совершенно исцѣляетъ больную человѣческую душу, да не одного человѣка, а сотни тысячъ, а на протяженіи десятковъ, сотенъ лѣтъ существованія такихъ обителей,—милліоны больныхъ, страдающихъ душъ самыхъ различныхъ требованій и вкусовъ.

Вотъ гдѣ особенно ярко, особенно отчетливо оправдываются слова псаломѣвца: „Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ“...

Николо-Успенскій Валуйскій монастырь расположенъ на большой равнинѣ, имѣющей своими границами съ двухъ сторонъ сліяніе рѣкъ Оскола и Валуга, а съ третьей—гребень высокихъ мѣловыхъ горъ, покрытыхъ зарослью лѣсной чащи.

Въ первый разъ мы пріѣхали въ эту обитель, во время чудной утренней зари, 6 мая 1914 г.

Лѣсъ просыпался. Золотистые лучи восходящаго солнца красивыми тонами величественно выбрасывались изъ-за высокаго лѣса.

Вздвигнувшая отъ благодатныхъ лучей, всеогрѣвающей земной любви, какъ называлъ солнышко Святитель-фило-

совѣ Тихонѣ Задонскій, природа огласилась гимномъ всеобщаго пѣнія.

Пѣли жаворонки. Пѣли проснувшіеся соловьи. Пѣли самыя разнообразныя представители пернатыхъ этой мѣстности. Зашуршали безчисленными оркестрами кузнечики. Застрекотали веселыя попрыгуньи-стрекозы. Послышался откуда то издалека цѣлый хоръ болотныхъ квакуній; а затѣмъ на фонѣ этой непередаваемой музыки послышался красивый сочный, серебристаго тембра благовѣсть монастырскаго колокола къ утрень.

Господи! Какъ хорошо, легко, отрадно сдѣлалось на душѣ.

Какъ будто тамъ, по ту сторону какой-то фантастической, замѣтной только вѣрующей душѣ, черты, неизмѣнно однообразной ткани, мощною и властною волею отдѣляющей жуткую ночь отъ радостной зари свѣтлаго дня, остались, сразу, мгновенно свалились съ плечъ, всѣ жизненные скорби, всѣ терзающія душу и сердце страданія, тревоги, заботы, опасенія.

Свалились, и запѣла душа.

Какъ птица, выпущенная на свободу.

Какъ новорожденное дитя.

Какъ развернувшійся молодой ландышъ орошенный благодатною каплею утренней росы.

Вотъ почему нашъ русскій, безхитростный мужичекъ, наши русскія страдалицы-женщины, деревенскія матери оставляютъ въ лѣтнюю, нерабочую пору свои мрачныя, темныя избы; свои очень часто хорошіе, уютные, свѣтлые храмы и на жалкіе большимъ трудомъ, большими лишениями скопленные, трудовые гроши идутъ

...„Отдохнуть въ святую обитель,—

Отъ дневныхъ оторваться заботъ“.

Точныхъ свѣдѣній о времени основанія Николо-Успенскаго Валуйскаго монастыря въ лѣтописяхъ обители не

имѣется, но мѣстное преданіе относитъ его къ смутному времени. Это подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ что разрѣшеніе на постройку перваго храма въ монастырѣ было дано въ 1613 году Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Федоровичемъ Романовымъ.

Говорять, что въ это тяжелое для Россіи время многіе искали тихихъ пріютовъ отъ тяжелой неурядицы въ странѣ, по которой широкой волною прокатилась все, что только можно придумать преступнаго противъ Бога, Царя и отечества отъ убійства невиннаго царевича Дмитрія до самозванщины и до стремленія передать Русское государство подъ владычество ляховъ.

Бѣжали въ это время люди, немогшія пережить всѣ ужасы нравственнаго развала и паденія правившихъ классовъ въ дремучіе лѣса, въ мирныя обители смиренныхъ иноковъ.

Въ это же время пришелъ въ эту мѣстность престарѣлый, отставной служилый человѣкъ по имени Корнилій и поселился здѣсь.

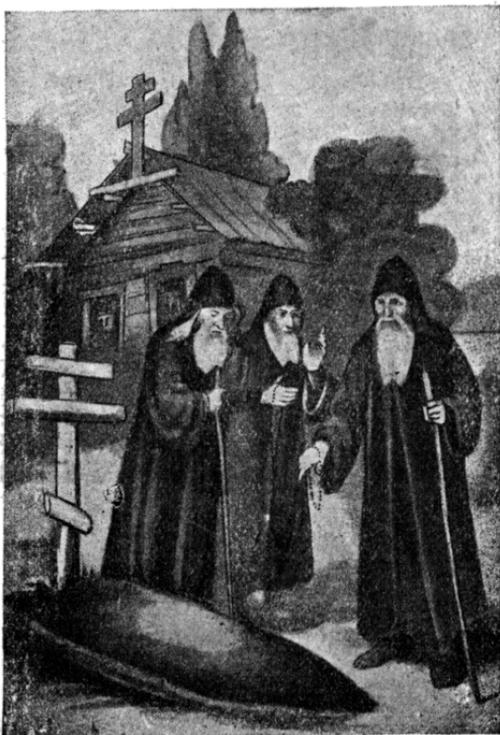
Кто былъ Корнилій изъ какого рода, что его привело сюда, въ это уединенное глухое въ то время мѣсто не кому неизвѣстно.

Но вскорѣ жизнь этого отшельника не осталась сокровенной, и подъ его руководствомъ собралось еще два человѣка. Съ ними то Корнилій и устроилъ маленькую деревянную часовню.

Около этой часовни эти невѣдомые люди молились за поколебленную въ своихъ основахъ Русь. И въ этой часовнѣ подъ сѣнью дѣвственной чащи лѣса, оплакивали свои грѣхи и грѣхи всего міра.

Здѣсь же, какъ это видно изъ прилагаемаго рисунка, Корнилій поучалъ и назидалъ свою не многочисленную братію. Такъ что по народному сказанію, когда было получено царское разрѣшеніе въ 1613 году мѣсту подвиговъ Корнилія было уже около 100 лѣтъ.

Высокое царское соизволеніе на устроеніе монастыря было облагодатствовано вскорѣ обрѣтеніемъ величайшей святыни монастыря, чудотворной иконы Святителя Николая.

Обрѣтеніе это совершилось при нижеслѣдующихъ условіяхъ:

Одинъ изъ Валуѣвскихъ жителей косилъ траву на лугу не далеко отъ монастыря. Неожиданно для него коса зацѣпилась за что то твердое и глухо зазвенѣла. Косарь остановился, нагнулся и, къ своему глубокому изумленію нашель въ травѣ образъ Святителя.

Съ великимъ благоговѣніемъ и съ сердечной радостью глубоковѣрующаго православнаго христіанина отнесъ онъ свою драгоцѣнную находку въ городскую Церковь.

Каково же было удивленіе горожанъ, когда черезъ нѣсколько времени въ церкви иконы не оказалось и ее снова нашли въ мѣстѣ ея первоначальнаго обрѣтенія.

Снова икону доставили въ городскую Церковь, но она вторично чудесно исчезла изъ храма и объявилась на мѣстѣ своего первоначальнаго явленія.

Усматривая въ такихъ необычайныхъ событіяхъ Божіе соизволеніе, благочестивые граждане города Валукъ рѣшили перенести чудотворный образъ въ новоустроенный Валуйскій монастырь, тамъ она и осталась, совершая ежегодно съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ свое посѣщеніе г. Валукъ, гдѣ ее принимаютъ для молебствія въ каждомъ домѣ.

Эта святыня сдѣлала Валуйскій монастырь извѣстнымъ по всей Украйнѣ, и при монастырѣ были записаны многія чудотворенія, происходившія отъ сей иконы; но къ сожалѣнію, во время пожара монастыря въ 18-мъ столѣтіи всѣ эти записи, вмѣстѣ съ ризницей, были уничтожены огнемъ.

Хотя Валуйскій монастырь сначала былъ очень благотѣльствованъ Царемъ Михаиломъ Федоровичемъ, но будучи вблизи такого пункта, какъ украинный г. Валуйки который считался сторожевымъ пунктомъ отъ татарскихъ

пабѣговъ, то, понятно, онъ вмѣстѣ съ городомъ, неоднократно подвергался самымъ страшнымъ опустошеніямъ то отъ крымскихъ татаръ, то отъ ногайскихъ татаръ, то отъ другихъ кочевниковъ.

И въ описныхъ книгахъ монастыря въ 1641 г., кромѣ иконы Св. Николая не было ни одной иконы въ серебряной ризѣ. Сосуды были оловянные; облаченія холщевыя и миткальныя. Денежной казны не было никакой. Скота было очень мало: конь гиѣдой да конь саврасъ, одна корова да двое телятъ.

На сколько было скудно монастырское имущество можно судить по той же монастырской описи 1641 г., гдѣ перечислено: „шуба овчинная чернеческая, покрытая сермяжнымъ чернымъ сукномъ, клубукъ чернеческій старый, куколь новый, аршинъ миткалю и не много посуды мѣдной, жестяной и деревянной“.

И хотя монастырь имѣлъ для защиты отъ непріятеля казенныя „четыре пищали съ замками“, но на монастырь нападали безнаказанно даже мѣстные грабители, не говоря уже о всякихъ обидахъ, которыя чинили монастырю окружающіе обыватели. Такъ что исторія Валуйскаго монастыря до 1857 г. была очень печальна, когда вступилъ въ управленіе имъ нынѣ почившій архимандритъ Игнатій (Ефремовъ), монастырь прѣдставлялъ собою очень жалкій видъ. Со вступленія этого дѣятеля, закончившаго свое земное странствованіе въ 1912 г. монастырь возродился въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова.

Кромѣ реставрированныхъ старыхъ трехъ храмовъ: Успенія Пресвятой Богородицы, придѣльнаго во имя Св. Николая и Митрофанія Воронежскаго, и въ трапезной, во имя Пресвятой Богородицы Троеручицы, при немъ былъ построенъ величественный соборъ въ память трехсотлѣтія дома Романовыхъ во имя Св. Николая, Св. мученицы Царицы Александры, Преподобнаго Михаила Малеина; Свя-

шенномученика Игнатія Богоносца, Преподобнаго Серафима Саровскаго, святителей: Митрофанія Воронежскаго, Тихона Задонскаго и Дмитрія Ростовскаго.

Но что особенно замѣчательно такъ это созиданіе съ его благословленія Фаворскаго Богоносче-Игнатіевскаго пещернаго скита.

Созданіе этого скита полно самою трогательной поэзіи, и оно явитъ собой безусловно самую красивую страницу въ жизни этого инока-подвижника.

Постараюсь въ сжатыхъ чертахъ передать эту трогательную исторію:

Изстари извѣстно, что всѣ подвигоположники, совершая свое спасеніе, прежде всего старались побороть свою плоть, ослабить и смирить ее. Для этого одни уходили въ затворъ, другіе предавались безмолвію, третьи копали пещеры и скрывались въ ихъ уединеніи.

Достаточно взглянуть на лѣсистыя горы, окаймляющія съ одной стороны Николо-Успенскій Валуйскій монастырь

чтобы предположить, что насельники обители всегда пользовались красотой уединенія.

Высокія горы должны были манить ихъ къ себѣ: для возношенія своихъ сердець „туда“, еще выше, „горѣ“; или же къ стремленію прорывать эти твердыни, и углубляться въ нѣдра земли и укрываться отъ міра.

Такъ оно и было въ самомъ дѣлѣ.

На высокому уступѣ мѣловой горы надъ рѣкой Осколь съ незапамятныхъ временъ были прорыты пещерные ходы. Очевидно, невѣдомые иноки прокладывали первые подземные ходы съ большими перерывами одинъ послѣ другого, вслѣдствіе чего своды пещеръ отъ времени осыпались, засорялись и временами, до появленія новыхъ пещерниковъ, забывались.

Въ послѣдніе годы управленія монастыремъ архимандритомъ Игнатіемъ среди молодыхъ иноковъ братіи, имена которыхъ изъ вопли понятной скромности сохраняются въ тайнѣ, создалась идея реставрировать труды отошедшихъ въ иной міръ смиренныхъ подвижниковъ.

Испросили они благословенія у своего начальника, отслужили молебенъ и въ полночный часъ темной осенней октябрьской ночи приступили къ своей святой работѣ.

И такимъ образомъ каждую ночь съ тихой молитвой, съ возжженными свѣчами велась эта великая работа...

Вокругъ стояла безмолвная тишина. Безмятежный сонъ царилъ надъ всею обителью. Спалъ окованный ледянымъ покровомъ Осколь. Спали луга, густыя непролазныя рощи, только лишь изъ густой чащи въ мѣловой горѣ слышались придавленные звуки заступовъ, которыми Божьи работники дѣлали свое дѣло.

Вотъ мгновенное затишье. Перерывъ. Устали отъ тяжелой работы пещерники. Гулъ отъ заступа совершенно примолкъ. Но вдругъ, вслѣдъ за симъ изъ узкихъ черпющихъ отверстій горы полилось стройное молитвенное

пѣніе, какъ будто, вся эта мѣловая гора „неизреченными воздыханіями“ славила Творца небесъ за совершающееся въ ней великое дѣло.

Это усталые монахи, въ минуту передышки набирались въ молитвенныхъ пѣснопѣніяхъ силы и бодрости къ дальнѣйшему труду.

Скоро утренняя. Нужно кончать работу, очистить проходы отъ цѣлыхъ грудъ нарытой земли и твердаго мѣла. Все это быстро приводится въ порядокъ, и Божьи работники здѣсь же, склонившись на полу одинъ возлѣ другого, даютъ себѣ менѣе чѣмъ часовой отдыхъ.

Но вотъ раздался благовѣстъ къ утрени.

Медленно одинъ за другимъ съ тихимъ пѣніемъ святыхъ молитвъ выходятъ пещерники къ богослуженію, а затѣмъ вливаются въ строй обычнаго дневнаго послушанія, для того, чтобы въ слѣдующую ночь идти на новый подвигъ продолженія своего труда въ пещерахъ.

И такимъ образомъ въ теченіе двухъ лѣтъ были восстановлены пещеры на протяженіи болѣе 300 сажень.

Въ самой срединѣ ихъ была устроена пещерная Церковь во имя священномученика Игнатія богоносца.

Въ 1910 году пещеры были осмотрѣны губернскимъ архитекторомъ, а затѣмъ разрѣшены къ открытію.

И вотъ теперь величайшее утѣшеніе для богомольцевъ составляетъ путешествіе въ эти пещеры, куда они тянутся въ большіе праздники длинными вереницами изъ монастыря, подымаясь по узкой лѣстницѣ къ „нижней“ пещерной часовнѣ, которая, на самомъ дѣлѣ, помѣщается на вышинѣ около 25 сажень и далеко виднѣется на синевѣ верхушекъ густого лѣса.

Теперь здѣсь открытъ, такъ называемый пещерный скитъ, а на вершинѣ горы заложенъ храмъ-часовня во имя Преображенія Господня.

И далеко видно съ этой горы вокругъ по всему горизонту.

Вотъ величественно бѣлоснѣжный юбилейный Николаевскій храмъ обители. Дальше правый нагорный берегъ Оскола, покрытый зелеными лѣсами и протянувшійся на нѣсколько десятковъ верстъ.

И по истинѣ эта гора, таящая въ своихъ нѣдрахъ святой трудъ нынѣ, въ наше время, существующихъ подвижниковъ, по своему внѣшнему и внутреннему величію, и красотѣ, вполне заслуженно носить названіе „Новый Фаворъ“.

Нельзя не обратить вниманіе здѣсь на слѣдующее обстоятельство.

Тридцать пять лѣтъ назадъ нынѣ здравствующій прозорливый старецъ подвижникъ іеросхимонахъ о. Филиппъ, подведя бывшаго еще мальчикомъ теперешняго игумена о. Игнатія (Бирюкова) и указывая ему на нынѣшнюю Ново-Фаворскую гору сказалъ: „малка, вонъ тамъ что то будетъ“...

Кромѣ чудотворнаго образа Святителя Николая, въ обители имѣются чудотворная икона Пресвятой Богородицы, именуемой Треручицею. На поклоненіе этой иконѣ приходятъ много богомольцевъ 12 іюня. Затѣмъ образъ Св. Николая, вывезенный изъ Италіи; три креста съ частицами мощей и древа животворящаго креста.

При монастырѣ имѣется прекрасная библіотека и въ 1915 году при немъ учреждено миссіонерское по своему характеру и цѣлямъ Братство Св. Николая.

Но особеннаго вниманія заслуживаетъ тамъ еще третья икона Св. Николая. Она находится на святыхъ вратахъ обители, въ деревянной подъ стекломъ рамѣ. Живопись иконы очень хорошая свѣтлая. Она напоминаетъ собою Нестеровское письмо.

Замѣчательна же она тѣмъ, что несмотря на столѣтнее пребываніе на святыхъ вратахъ, будучи ни чѣмъ не защищена отъ солнечныхъ лучей, не имѣя на себѣ ризы и не будучи не разу поновляема,—она такъ сохранила живость и яркость красокъ, что производитъ впечатлѣніе только что сейчасъ вышедшей изъ подъ кисти художника.

Николо Успенскій Валуйскій монастырь по тому впечатлѣнію, которое онъ производитъ своей высокою дѣятельностію, въ особенности за послѣдніе годы, благодаря неустаннымъ трудамъ нынѣшняго игумена о. Игнатія, кажется для мірянина,—помимо своего основного назначенія какъ монастыря,—очень стройнымъ, если не миссіонерскимъ, то во всякомъ случаѣ просвѣтительнымъ учрежденіемъ.

Непрерывныя проповѣди, постоянныя внѣ-богослужебныя бесѣды, обще-народныя пѣнія, почти постоянное участіе, по приглашенію игумена во время торжественныхъ праздниковъ лучшихъ миссіонерскихъ и проповѣдническихъ силъ не только своей епархіи, но и изъ другихъ мѣстъ, дѣлаетъ эту обитель крупной цитаделью въ борьбѣ съ многочисленнымъ Воронежскимъ сектантствомъ. А устраи-

ваемые крестные ходы, въ особенности за послѣдніе годы,—при участіи епархіальныхъ: миссіонеровъ - проповѣдниковъ о. Петра Сергіева и Л. З. Кунцевича и другихъ,—на протяженіе иногда даже нѣскольکو сотъ верстъ воспроизводятъ собою прямо апостольскія шествія и являются колоссальною поддержкою для слабыхъ вѣроу въ борьбѣ съ сектантствомъ.

Всѣхъ братій въ монастырѣ немного меньше ста челоувѣкъ. И всѣ они содержатся одеждоу, обувью, чаемъ, сахаромъ за счетъ монастыря. Трапеза общая для всѣхъ, не исключая и настоятеля.

Богослуженіе въ монастырѣ рѣдкое по своему благоговѣнію и духовной настроенности. Служба особенно продолжительная, и ее можно сравнить съ оптинскою службою.

Весь укладъ жизни отправляется до всѣхъ мелочей въ строго монастырскомъ уставѣ; даже повара, для разведенія огня на изготовленіе братской трапезы, неизмѣнно берутъ огонь отъ неугасимыхъ лампадъ передъ чудотворнымъ образомъ Св. Николая.

Есть между прочимъ и такой прекрасный обычай, какъ въ каждый четвергъ, послѣ установленнаго молебна Св. Николаю, въ память и благодарность этому Небесному Покровителю обители, раздается милостыня нищимъ которые для этого къ молебному богослуженію по четвергамъ собираются цѣлыми массами.

Точно также, по заведенному настоятелемъ монастыря съ давнихъ поръ высоко-христіанскому обычаю, въ годовые и храмовые праздники бѣдные богомольцы пользуются бесплатнымъ обѣдомъ отъ монастыря; а странникамъ, кромѣ того, и бесплатный ночлегъ на два на три дня съ подаяніемъ имъ отъ монастыря денежной посильной помощи, по ихъ выраженію, „на дорожку“.

Все это, вмѣстѣ взятое съ прекрасной службою, съ сердечностью, съ высокой настроенностью влечетъ сюда, — въ

Великій и Успенскій—посты, въ храмовые праздники: 9 мая, 15 и 29 августа, 14 сентября, когда на всенощномъ бдѣніи совершается по церковному уставу обрядъ Воздвиженія Креста Господня, во время котораго молящіеся въ храмъ 500 разъ поютъ „Господи помилуй“, и 6 декабря,—десятки тысячъ богомольцевъ изъ разныхъ мѣстъ Воронежской и Харьковской губерній.

Почти всѣ богомольцы говѣютъ здѣсь, приобщаются Святыхъ Христовыхъ Таинъ и отдыхаютъ душой въ тиши благодатной природы и молитвенной настроенности.

Въ высокой степени знаменательно то обстоятельство, что этотъ монастырь съ XVI вѣка называется „Пристанскимъ монастыремъ“ потому, что близъ монастыря при слияніи рѣкъ Оскола и Валуга, была когда то пристань для остановки рѣчныхъ судовъ и лодокъ. Теперь эта пристань отошла въ область преданій, но сохранившееся за монастыремъ названіе „Пристанского“ оправдываетъ себя тѣмъ, что эта Святая Обитель въ наше тяжелое, бурное время, являетъ собой *истинную пристань*, для цѣлой массы тѣхъ измученныхъ, истерзанныхъ житейскими волнами чѣлновъ, которые называются „человѣческими душами“.

Десятки тысячъ такихъ чѣлновъ, отдыхаютъ здѣсь, починаются, счищаютъ съ себя цѣлую массу рѣчной грязи, тины, опутывающихъ водорослей; набираются новыхъ силъ для дальнѣйшаго плаванія, и, что самое главное, очень часто мѣняютъ свое направленіе и, присоединяясь къ великому кораблю Святой Православной Церкви, вмѣсто прежняго рейса—къ адовымъ стремнинамъ, плывутъ къ небесамъ.

Слава и благодареніе этой святой пристани...

Теперь же приступимъ къ описанію нашихъ личныхъ переживаній въ этой блаженной обители.

В. П. Быковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Что надлежит помнить въ борьбѣ съ хлыстами и скопцами.

Къ глубокому прискорбію, въ наши дни болѣе чѣмъ когда-либо забывается изреченіе Псалмопѣвца: „*Помянухъ дни древнія, поучихся во всѣхъ дѣлахъ твоихъ, въ твореніихъ руку твоею поучахся*“. (Псал. 142, ст. 5). Такъ въ дняхъ древнихъ, въ дѣлахъ и твореніяхъ Господнихъ въ прошломъ—Псалмопѣвецъ поучался для своего настоящаго. И мірская мудрость, въ соотвѣтствіе съ этимъ, говоритъ: „исторія—учительница народовъ“. Дѣйствительно, только при свѣтѣ прошлаго мы можемъ надлежаще уразумѣвать настоящее и такъ или иначе предвосхищать грядущее и оказывать на него то или другое вліяніе. И чѣмъ важнѣе для насъ область настоящаго, тѣмъ сильнѣе мы должны вспоминать дни древніе этой области, въ нихъ поучаться для ея настоящаго и ими предрѣшать, сколько то дано человѣку, ея будущее. Кажется, да и несомнѣнно такъ, что болѣе важной области въ жизни человѣка нѣтъ иной, чѣмъ область религіозная. Религія—міровая сила. Она родитъ народы; она живитъ ихъ и возводитъ на высоту... Но она же, при ея извращенности, при подмѣнѣ религіозной истины ложью, мертвитъ народы, сокрушаетъ и испепеляетъ ихъ. Вотъ почему у всѣхъ народовъ такъ неистребима жажда *истинной* религіи, *истиннаго* свѣта.

Понятно отсюда, что каждое государство должно беречь обрѣтенную имъ религіозную истину, какъ драгоцѣннѣйшій залогъ своей мощи. Понятно отсюда тѣмъ болѣе и то, что

служители этой истины должны беречь ее пуще всѣхъ сокровищъ міра!

Святая Русь обосновалась на *православіи*. Имъ она возросла, окрѣпла и мощно раскинулась на необозримыхъ пространствахъ вселенной. Имъ она предпобѣждала и тяжкія стихійныя бѣды, не разъ постигавшія ее, какъ Іова многострадальнаго. Имъ она отражала и поражала несмѣтныя полчища своихъ враговъ.

Отсюда обереженіе на Руси православія является первѣйшимъ долгомъ особенно государственныхъ мужей Руси, ея правителей и властителей. Объ этомъ прекрасно говорить и дѣйствующіе нынѣ у насъ „Основные Законы“, какъ и другіе законодательные кодексы.

Съ непомѣрно большею силою та-же обязанность береженія православія лежитъ на пастве Пастырствъ Православной Церкви Христовой, призванномъ къ сему Самимъ Пастыремъ-начальникомъ Христомъ.

Исполненіе этой обязанности на Руси чрезвычайно осложняется, когда дѣло идетъ о тайныхъ врагахъ Православія или сектантахъ-мистикахъ, каковы, прежде всего, хлысты и скопцы. Исторія Православной Церкви на Руси даетъ на этотъ счетъ весьма много поучительнаго, что надлежитъ намъ, и особенно пастырямъ Церкви и правителямъ Руси, помнить ежечасно. Здѣсь малѣйшее забвеніе пережитого или „дней древнихъ“ чревато своими послѣдствіями въ настоящемъ и невѣроятно грозно для будущаго.

А между тѣмъ именно въ области отношеній къ сектантамъ-мистикамъ, и прежде всего къ хлыстамъ и скопцамъ, мы болѣе чѣмъ когда-либо забываемъ прошлое и строимъ въ этомъ направленіи свое настоящее или по своимъ вкусамъ и прихотямъ, или по соображеніямъ своихъ личныхъ интересовъ, или даже по взятымъ на прокатъ у враговъ же православія ложнымъ „принципамъ“. Мы не будемъ здѣсь касаться прискорбныхъ фактовъ переживае-

мага нами времени, наводящихъ насъ на тяжелыя думы... А лишь въ предотвращеніе ихъ раскроемъ и вспомынемъ одну изъ страницъ „дней древнихъ“, и даже не такъ уже „древнихъ“, но все-же тщательно забытыхъ!.. Вспомынемъ, говорю, въ предотвращеніе печальныхъ для Православной Церкви фактовъ отношенія многихъ пастырей и властителей нашего времени къ самымъ жестокимъ врагамъ Православія—къ хлыстамъ и скопцамъ.

Въ 1847 году Святѣйшій Синодъ, въ засѣданіи 28 Мая, по повелѣнію Его Императорскаго Величества Государя Императора, слушалъ представленную Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ „Записку о притворномъ соблюденіи послѣдователями скопческой и хлыстовской ереси обрядовъ Церкви Православной“.

Эта „Записка“ настолько жизненна и важна для нашего времени, что мы печатаемъ ее здѣсь полностью, заимствуя ее изъ „Дѣла“ Архива Св. Синода за 1847 г., № 2668—868, лл. 2—5.

*Записка о притворномъ соблюденіи послѣдователями
скопческой и хлыстовской ереси обрядовъ Церкви
Православной.*

Государь Императоръ, по поводу производившагося во вѣренномъ Мнѣ Министерствѣ дѣла о скопчихъ мѣщанкѣ Дурдиной, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: внести на разсмотрѣніе Секретнаго Комитета обстоятельство, что *многіе священники* и даже настоятели монастырей, въ кои послѣдователи скопческой и хлыстовской ереси ссылались на покаяніе, вовлечены были въ обманъ соблюденіемъ этими людьми обрядовъ Православной Церкви, въ чемъ Духовенство видѣло несомнѣнное доказательство принадлежности ихъ къ Православію. Его Императорскому

Величеству благоугодно, чтобы на помянутое обстоятельство было обращено особенное вниманіе Православнаго Духовенства, которое хорошими отзывами своими о скопцахъ и хлыстахъ неоднократно было причиною освобожденія отъ отвѣтственности такихъ людей, которые немедленно потомъ снова уличались не только въ послѣдованіи ереси, но и въ распространеніи оной. Во исполненіе сей Высочайшей воли, имѣю честь сообщить комитету нѣкоторыя обстоятельства помянутаго дѣла о скопчихъ Дурдиной и объяснить дознанное подробнымъ изслѣдованіемъ ученіе ереси, доказывающей, что притворное лукавое соблюденіе обрядовъ Православія для одного только вида предписывается самыми правилами этого враждебнаго ученія, а потому и никогда не можетъ служить доказательствомъ обращенія изувѣровъ.

Произведеннымъ комиссіею о скопцахъ изслѣдованіемъ и медицинскимъ свидѣтельствомъ мѣщанка Дурдина найдена въ смыслѣ секты оскопленною, а именно, сосцы обѣихъ грудей были отрѣзаны или истреблены. С.-Петербургская палата Уголовнаго Суда, разсмотрѣвъ производство Комиссін, полагала оставить Дурдину только *въ подозрѣніи* на счетъ принадлежности ея къ скопческой ереси, принимая въ основаніе такого постановленія собственное ея увѣреніе, будто она потеряла сосцы отъ болѣзни, хотя физикать и признавалъ заслуживающимъ болѣе вѣры заключеніе врача, что они были отрѣзаны острымъ оружіемъ. Посему положеніемъ Комитета Министровъ 27 Августа 1846 г. постановлено: сослать скопчиху Дурдину въ Закавказскій край для водворенія. Чтобъ избавиться отъ заслуженнаго наказанія, начался со стороны Дурдиной и ея родныхъ цѣлый рядъ происковъ и уловокъ.

Соумышленники и заступники ея старались разными путями обратить на Дурдину особенное вниманіе Государя Императора и, объясняя въ превратномъ видѣ весь

ходъ дѣла, представить ее невинною жертвою, приговоренною къ тяжкому наказанію за небывалое преступленіе, по обвиненію въ дѣлѣ, о коемъ она не имѣетъ никакого понятія.

Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ: пріостановить исполненіе помянутаго постановленія Комитета Министровъ съ тѣмъ, чтобы Г-нъ Министръ Юстиціи разсмотрѣлъ вновь все дѣло. Затѣмъ, по Всеподданнѣйшему докладу Графа Панина, Его Величество изволилъ признать, что домогательство Дурдиной объ освобожденіи отъ присужденной ей ссылки *не заслуживаетъ уваженія* и что къ отмѣнѣ или измѣненію состоявшагося о ней окончательнаго рѣшенія не представляется никакого основанія.

Послѣ сего въ дѣлѣ Дурдиной приняли участіе нѣкоторыя лица, извѣстныя своими Христіанскими Правилами и благотворительностью и я получалъ разныя просьбы объ оказаніи ей снисхожденія. Главнымъ доказательствомъ ея невинности было приводимо удостовѣреніе одной почтенной *Духовной Особы* въ принадлежности Дурдиной къ Православію. Жалкая судьба ея и мнимая несправедливость судей были доведены до свѣдѣнія Государыни Великой Княгини Маріи Николаевны и Государь Императоръ, передавая мнѣ лично желаніе Ея Императорскаго Высочества объ оказаніи Дурдиной справедливости, Высочайше повелѣтъ мнѣ соизволилъ: вновь пересмотрѣть все дѣло. Исполнивъ Высочайшую волю, я съ своей стороны также нашелъ, что дѣло было ведено въ полной мѣрѣ порядкомъ закона, не представлявшаго судьямъ никакой возможности освободить виновныхъ отъ заслуженнаго наказанія.

По Всеподданнѣйшему докладу моему о семъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣтъ: исполнить приговоръ, по въ видѣ снисхожденія.

схожденія дозволить Дурдиной слѣдовать къ мѣсту назначенія на собственной подводѣ.

Зная весь ходъ дѣла, нельзя не обратить вниманія на упорные проски Дурдиной и ея единомышленниковъ къ освобожденію ея, также притворное благочестіе и христіанское смиреніе женщины, коей уже одно тѣлесное изуродованіе доказываетъ фанатическую приверженность къ вредной и губительной ереси. Слѣдующіе примѣры еще разительнѣе выставляютъ подобный обманъ.

Хлыстовка Ульяна Васильевна изъ Костромской губерніи, почитаемая тамошними хлыстами *Богородицею*, была заключена—въ 1838 г., по Высочайшему повелѣнію, въ Кіево-Фроловскій монастырь на увѣщаніе. Оттуда она была отпущена, по Высочайшему повелѣнію, на мѣсто жительства, вслѣдствіе представленія Епархіальнаго начальства о принесенномъ Васильевою совершенномъ раскаяніи въ прежнемъ ея заблужденіи. Но вслѣдъ затѣмъ, по случаю ревизіи Костромской губерніи, Сенаторомъ Княземъ Лобковымъ-Ростовскимъ вновь дознано, что тамошніе хлысты по прежнему признаютъ ее *богородицею* и что она въ противность Высочайшему повелѣнію живетъ въ самой Костромѣ, а не въ дер. Старой, гдѣ ей повелѣно жить, и гдѣ домъ ея служить по прежнему сборищемъ окружныхъ хлыстовъ; въ то же время сдѣлалось извѣстнымъ, что она ѣздитъ ежегодно въ Москву, для присутствія на тамошнихъ хлыстовскихъ сборищахъ, гдѣ также почитается Богородицей и даже народомъ прозвана *хлыстовской богиней*. По сему предмету внесено было въ секретный Комитетъ особое представленіе.

Мѣщанинъ Чистопольскій сосланъ былъ въ 1838 году за принадлежность къ хлыстовской сектѣ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, а въ 1843 г., по изъявленному раскаянію, освобожденъ и возвращенъ въ Москву. Тамъ онъ продолжалъ участвовать въ собраніяхъ хлыстовъ, былъ у

нихъ настоятелемъ и пророкомъ и въ 1844 г. взять вновь въ самомъ сходбищѣ хлыстовъ съ 23-мя другими.

Изъ дѣлъ Московскихъ хлыстовъ видно, что самого упорнаго сектатора, мѣщанина Князева, *приходскій священникъ* считалъ за ревностнаго Православнаго, и что онъ каждый годъ бывалъ на исповѣди. Наконецъ, въ послѣднее время *протоіерей здѣшняго Преображенскаго Собора* свидѣтельствовалъ о принадлежности къ Православной Церкви двухъ скопцовъ: Степана Васильева и Николая Ѳедорова, которые, предлагая вызолотить на свой счетъ главы Преображенскаго Собора, просили съ тѣмъ вмѣстѣ устранить ихъ отъ слѣдствія, производимаго Комиссіею о скопцахъ, и тѣмъ явно показывали настоящую причину своего мнимаго усердія къ Православной Церкви.

Вышеприведенные случаи наружнаго исполненія обрядовъ Православія послѣдователями ересей, совершенно противныхъ духу и ученію Православія, объясняются самимъ ученіемъ ереси.

Подробнымъ изслѣдованіемъ ереси скопческой и хлыстовской, изъ коихъ послѣдняя безспорно служить колыбелью первой, положительно дознано, что послѣдователи той и другой секты, питая внутреннее отвращеніе къ Православной Церкви, называя служителей ея „книжниками и фарисеями“, а всѣхъ Православныхъ „Іудеями“, тщательно скрываютъ свои чувства и для удобнѣйшаго обмана исполняютъ по наружности всѣ требованія, обряды и даже обычаи Православной Церкви, имѣютъ въ своихъ домахъ православныя иконы, приглашаютъ къ себѣ священниковъ для исправленія требъ и пр. Притворство это, называемое ими „*оказаніемъ по явности*“, строго исполняется по требованію собственныхъ ихъ наставниковъ, по ихъ выраженію „страха ради Іудейскаго“. Отличаясь этимъ отъ послѣдователей другихъ расколовъ, которые явно чуждаются Православной Церкви и гласно объявляютъ себя исповѣдаю-

щими другое ученіе, скопцы и хлысты тѣмъ вреднѣе для порядка общественнаго.

Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ видно, что наружнымъ благочестіемъ и притворнымъ раскаяніемъ самыя закоренѣлыя еретики неоднократно уже успѣвали приводить въ обманъ о принадлежности ихъ къ Православію и возвращенные на семь основаніи изъ мѣстъ заключенія продолжали, еще съ большимъ неистовствомъ, свои вредныя дѣйствія.

О семъ, согласно Высочайшей волѣ, имѣю честь представить на благоусмотрѣніе Секретнаго Комитета“.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ *Перовскій*.

Заслушавъ вышеприведенную „Записку“, Св. Синодъ, опредѣленіемъ отъ 28 Мая—12 Іюля 1847 г. за № 253, постановилъ: „О всемъ вышеизложенномъ дать знать Московской и Грузино-Имеретинской Синодальнымъ Контрамъ, всѣмъ Епархіальнымъ Архіереямъ, Оберъ-священникамъ Гвардейскаго и Гренадерскаго Корпусовъ и Арміи и Флотовъ, Настоятелямъ Ставропигіальныхъ монастырей секретными указами (Ibid... л. 8).

—————

Приведенная нами „*Историческая Памятка*“ должна была бы украшать собою кабинеты и канцеляріи всѣхъ высокихъ дѣятелей Церкви и Государства, въ рукахъ которыхъ имѣется ключъ къ власти, чтобы править во благо Церкви и Государства, править право и творить судъ правосудно...

А между тѣмъ она нерѣдко нынѣ тлѣетъ подъ слоями архивной пыли, или пыли разныхъ человѣческихъ страстей и похотей!..

Ту же участь испытываетъ нынѣ и *вторая историческая памятка* о хлыстахъ и скопцахъ. Между тѣмъ значеніе и этой памятки для Церкви и Государства весьма

велико, что побуждаетъ насъ достать и ее изъ-подъ „архивной пыли“, или изъ-подъ пепла человѣческихъ похотей.

Въ 1872 году Октября 6 дня Св. Синодъ заслушалъ отношеніе Министра юстиціи, отъ 15 Іюня 1872 г. за № 101482, на имя Оберъ-Прокурора Св. Синода графа Д. Толстого, бывшаго одновременно и Министромъ Народнаго Просвѣщенія, слѣдующаго содержанія:

„По поводу особенно быстрого въ послѣднее время распространенія скопчества въ Россіи, обращая постоянное вниманіе на скорое и правильное производство изслѣдованій по скопческимъ дѣламъ и изыскивая средства къ наиболее успѣшному изобличенію предъ судомъ всѣхъ послѣдователей этой зловреднѣйшей ереси, я пришелъ къ убѣжденію, что самое серіозное препятствіе, затрудняющее благопріятный исходъ слѣдствій по такимъ дѣламъ, заключается въ огромныхъ денежныхъ средствахъ, обладаемыхъ скопцами, и въ умѣнни ихъ пользоваться своимъ богатствомъ для избѣжанія суда и наказанія. Этой цѣли скопцы достигаютъ двоякимъ способомъ: посредствомъ тайной раздачи денегъ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ болѣе или менѣе зависитъ заявленіе о ихъ принадлежности къ скопчеству и привлеченіе ихъ къ преслѣдованію и посредствомъ явныхъ, крупныхъ пожертвованій на разныя благотворительныя и общественныя учрежденія: этимъ послѣднимъ путемъ скопцы успѣваютъ пріобрѣсти заступничество стоящихъ во главѣ означенныхъ учрежденій разныхъ лицъ, которымъ, безъ сомнѣнія, мало извѣстно быстрое и опасное для государства развитіе скопчества въ народѣ.

Имѣя въ виду, что послѣдній пріемъ, хотя и косвенный, оказывается, однако, столь же вреднымъ для правильнаго отправленія уголовного правосудія, какъ и первый, такъ какъ для успѣшнаго раскрытія всѣхъ послѣдователей скопческой ереси, при существующей между ними солидар-

пости и обнаруженной предшествовавшими изслѣдованіями изворотливости, — необходимо *единодушное содѣйствіе вѣрхъ вѣдомствъ* въ преслѣдованіи виновныхъ въ принадлежности къ скопчеству, и, принимая во вниманіе, что подобное содѣйствіе невозможно, пока скопцы будутъ приобрѣтать себѣ, подѣ личиною жертвователей на общественную пользу, заступничества разныхъ лицъ, — я обращаюсь къ Вашему Сіятельству съ покорнѣйшею просьбою, не признаете-ли Вы, Милостивый Государь, возможнымъ сдѣлать распоряженіе, о томъ, чтобы по ввѣреннымъ Вашему Сіятельству вѣдомствамъ не было на будущее время принимаемо отъ скопцовъ никакихъ пожертвованій на какія-либо богоугодныя, благотворительныя или общественныя учрежденія. О послѣдующихъ распоряженіяхъ не оставьте почтить меня увѣдомленіемъ“ („Дѣло“ Арх. Св. Синода 1872 г. № 194, лл. 2—3).

Въ томъ же засѣданіи Св. Синодъ заслушалъ и отношеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 28 Іюня 1872 года за № 384, на имя Товарища Оберъ-Прок. Св. Синода такого содержанія:

— „Въ виду особенной опасности отъ быстрого распространенія въ послѣднее время скопчества, я обращался къ Министру юстиціи съ просьбою о содѣйствіи къ успѣшному разслѣдованію дѣлъ о послѣдователяхъ этой ереси, причѣмъ указывалъ на тѣ приемы, при помощи которыхъ скопцамъ удавалось вводить правосудіе въ заблужденіе и избѣгать заслуженной кары.

Статсъ-секретарь графъ Палень, увѣдомляя меня о сдѣланномъ имъ распоряженіи относительно принятія со стороны Прокурорскаго надзора самыхъ энергическихъ мѣръ къ раскрытію упомянутыхъ сектаторовъ, а равно къ возможно быстрому ихъ преслѣдованію и наказанію, сообщилъ, что наблюдая лично за производящимися по дѣламъ о скопцахъ изслѣдованіями, онъ пришелъ къ убѣжденію, что

одно изъ самыхъ серьезныхъ препятствій къ успѣшному исходу подобныхъ изслѣдованій заключается въ громадныхъ денежныхъ средствахъ скопцовъ. Посредствомъ крупныхъ пожертвованій на разныя благотворительныя или общественныя предпріятія послѣдователи скопчества успѣвають пріобрѣтать заступничество стоящихъ во главѣ такихъ предпріятій лицъ, не близко знакомыхъ съ опасностью и быстротою развитіи скопчества въ средѣ народа. А такъ какъ для успѣшнаго преслѣдованія послѣдователей скопческой секты, при существующей между ними солидарности и известной изворотливости ихъ, необходимо единодушное содѣйствіе всѣхъ вѣдомствъ, то онъ, графъ Паленъ, принимая во вниманіе, что подобное содѣйствіе будетъ въ дѣйствительности достигнуто тогда лишь, когда скопцы лишатся возможности пріобрѣтать себѣ, подъ личиною жертвователей на общественную пользу, заступничество, хотя бы и вполне добросовѣстное, лицъ, принявшихъ отъ нихъ подобныя пожертвованія,—признаетъ необходимымъ сдѣлать по всѣмъ вѣдомствамъ распоряженіе, чтобы на будущее время не было принимаемо отъ скопцовъ никакихъ пожертвованій на благотворительныя или общественныя предпріятія.

По доведеніи мною о семъ до свѣдѣнія Государя Императора, Его Императорское Величество, въ 23 день сего Іюня, Высочайше повелѣть соизволилъ: сообщить всѣмъ вѣдомствамъ, въ коихъ сосредоточиваются дѣла по благотворительнымъ и общественнымъ предпріятіямъ, чтобы на будущее время ни въ какомъ случаѣ и ни на какой предметъ не бывало принимаемо отъ скопцовъ никакихъ ни денежныхъ, ни матеріальныхъ пожертвованій.

О такомъ высочайшемъ повелѣніи, объявленномъ мною вмѣстѣ съ симъ Гг. Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями, равно генераль губернаторамъ, и гу-

бернаторамъ, имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству, для надлежащаго въ потребномъ случаѣ руководства (*ibid...* лл. 5—6).

По содержанію вышеприведенныхъ двухъ отношеній Св. Синодъ навелъ справку, по коей оказалось, что на разсмотрѣніи Св. Синода находилось дѣло, предложенное Оберъ-Прокуроромъ, отъ 11 Юня 1871 г. за № 284, и къ нему присланное изъ Правительствующаго Сената, на заключеніе, частное дѣло о духовныхъ завѣщаніяхъ бывшаго почетнаго гражданина Максима Плотичына и бывшей почетной гражданки Татьяны Плотичыной, кои, по рѣшенію Правительствующаго Сената, обвинены въ принадлежности къ скопческой сектѣ и приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ посылкѣ на поселеніе въ отдаленный край Восточной Сибири. Изъ этого дѣла оказалось, что Максимъ Плотичынъ и Татьяна Плотичына, прежде объявленія имъ означеннаго рѣшенія Сената, составили на случай смерти или лишенія всѣхъ правъ состоянія домашнія духовныя завѣщанія, по коимъ, между прочимъ, предоставили 80.200 руб. въ пользу указанныхъ въ завѣщаніи церквей, монастырей, церковныхъ причтовъ и Преосвященному Θεодосію, Епископу Тамбовскому, для раздачи бѣднымъ духовнаго званія, причемъ изъ помянутой суммы 35.700 руб. завѣщаны въ разныя церкви съ условіемъ чтобы въ этихъ церквахъ было совершаемо вѣчно поминовеніе Максима, Татьяны и другихъ, указанныхъ Максимомъ Плотичыномъ. Имѣя въ виду, что Плотичыны, по рѣшенію Сената, признаны принадлежащими къ скопческой сектѣ, что скопецъ, по правиламъ св. Апостоль 22 и 23, признается какъ убійца самого себя и какъ врагъ Божія созданія, а по 5-му правилу VI Вселен. Соб. отлучается отъ церкви и, наконецъ, что, по правилу 37-му Лаодикійскаго собора, не должно принимать дары, посы-

лаемые отъ еретиковъ, Св. Синодъ, по опредѣленію 20 Сент. — 4 Окт. 1871 года, нашель положительно невозможнымъ разрѣшить принятіе отъ Плотицныхъ денежныхъ пожертвованій 80.200 руб.

И по справкѣ, Св. Синодъ приказали: „За сдѣланнымъ г. испр. должн. Оберъ-Прокурора объявленіемъ Епархіальнымъ Архіереямъ о Высочайшемъ повелѣніи относительно непринятія пожертвованій отъ скопцовъ, Св. Синодъ опредѣляетъ: въ дополненіе къ сему предписать Епархіальнымъ Архіереямъ, главнымъ священникамъ Гвардіи и Арміи, а также Синодальнымъ Конторамъ, чтобы, по заявленіи отъ лицъ о желаніи пожертвовать какое либо недвижимое имущество въ пользу церкви монастырей и прочихъ духовныхъ учрежденій Православнаго Вѣдомства, не иначе давали дальнѣйшее движеніе симъ заявленіямъ, какъ по конфиденціальному сношеніи съ мѣстными губернаторами и по полученіи удостовѣренія ихъ, что жертвователю не принадлежалъ и не принадлежитъ къ скопческой ереси, о чемъ и должно быть изъясняемо въ представленіяхъ Св. Синоду объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на принятіе сихъ пожертвованій. Несоблюденіе сего порядка можетъ быть допускаемо лишь по отношенію къ тѣмъ жертвователямъ, преданность которыхъ Православію лично несомнѣнно извѣстна подлежащему Духовному Начальству, съ объясненіемъ впрочемъ и о семъ въ предложеніи Св. Синоду. Тотъ-же порядокъ, согласно ст. 852 Св. Зак. т. I учр. орд., соблюдается и относительно значительныхъ денежныхъ пожертвованій, за которыя признано будетъ справедливымъ представить жертвователя къ наградѣ или къ благословенію Св. Синода, съ выдачею на сіе грамоты. Для исполненія сего послать, по принадлежности, секретный печатный указъ. Октября 15 дня 1872 года, № 48“ (ibid... лл. 7—13).

Лѣтъ чрезъ 17-ть послѣ этого указа Св. Синодъ имѣлъ случай высказаться по тому же вопросу и относительно *хлыстовъ* хотя и безъ этого случая тотъ же указъ, отъ 1872 г. Октября 15 дня за № 48, по своимъ принципиальнымъ основамъ, естественно предрѣшалъ и вопросъ о пожертвованіяхъ отъ хлыстовъ. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія вопросъ о принятіи жертвъ отъ хлыстовъ возникъ въ Тамбовской епархіи. И опредѣленіемъ отъ Сент. 13-го—Окт. 19-го за № 2029, Св. Синодъ призналъ правильнымъ распоряженіе Тамбовскаго епархіальнаго начальства о непринятіи въ приходскую церковь села Перевоза иконы (съ изображеніемъ св. Ап. Филиппа и преподобной Меланіи Римской), жертвуемой чрезъ Антона Колесникова Анисьею Копыловой, влѣдствіе принадлежности жертвовательницы къ *сектѣ хлыстовъ*, причемъ Тамбовское епархіальное начальство свой отказъ въ принятіи означенной жертвы основывало на правилахъ св. Апостоловъ 10, 45 и 46 и Лаодикійскаго Собора 33 и 37, а также и на указѣ Св. Синода о непринятіи пожертвованія 80.200 руб. отъ Плотицныхъ („Дѣло“ Арх. Св. Свн. за 1888 г. № 1453, лл. 3—4 и 20).

Обозрѣвая состояніе и дѣятельность хлыстовъ и скопцовъ въ наше время, а равно и современное отношеніе къ нимъ нѣкоторыхъ пастырей церкви и чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи, не говоря уже о нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества, мы и сочли весьма цѣннымъ для Церкви и Государства приведеніе выше изложенныхъ памятокъ, дабы всѣ „помянули дни древніе“ и поучились отъ нихъ...

И. Айвазовъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Въ защиту цѣломудрія*).

Когда, такимъ образомъ, молодые люди создали себѣ идеаль, полюбили его, привязались къ нему, и, такъ сказать, сотворили его своею опорой въ жизни, тогда только они начинаютъ между живыми реальными личностями отыскивать субъекта, *который бы подходилъ подъ ихъ идеаль*, то есть, обладалъ бы такими совершенствами, которыя молодые люди находятъ въ своемъ идеаль; отыскавъ подходящаго субъекта, молодые люди испытываютъ робость и страхъ, которые внушаются сознаниемъ, что отысканный субъектъ настолько совершененъ, что подходить и приближаться къ нему можно не иначе только, какъ съ благоговѣниемъ; затѣмъ пачинается анализъ найденной личности; анализъ этотъ долго не продолжается, потому что молодые люди быстро переносятъ все достоинства и добродѣтели съ идеала на данную личность, и для молодаго человѣка наступаетъ то высокорадостное, восторженное и блаженное состояніе духа, которое опредѣляется словомъ „влюбиться“, и въ слѣдъ за которымъ пачинается стремленіе къ реальному обладанію избранницею, или избранникомъ своего сердца.— Здѣсь мы должны обратить вниманіе на тотъ фактъ, что въ данномъ случаѣ человѣкъ любитъ сначала не живую, реальную личность, для которой онъ создавалъ бы не су-

*) См. „Г. Ц“. м. авг.—сент.

ществующія добродѣтели; а наоборотъ, человѣкъ любитъ сначала личность ствлеченную, и только, встрѣтивъ реальную личность, воплощаетъ въ ней свой идеаль, и награждаетъ ее всѣми совершенствами, свойственными личности идеальной; а такъ какъ извѣстно, что награждающій всегда выше и старше награждаемаго, послѣдовательно, при нормальномъ, соотвѣтствующемъ природѣ, пробужденіи полового инстинкта, самъ человѣкъ невольно предпочитаетъ духовное общеніе пластическому.

Такова картина правильнаго пробужденія полового инстинкта у человѣка нормальнаго, неиспорченнаго воспитаніемъ.

По возрасту такое психическое настроеніе у человѣка всегда совпадаетъ съ началомъ возмужалости и оканчивается ко времени половой зрѣлости; именно у мужчинъ съ 17—18 лѣтъ и продолжается до 23—24 лѣтъ; а у дѣвицъ съ 15—16 лѣтъ, и точно также оканчивается нѣсколько раньше сравнительно съ мужчинами, хотя бывають случаи запаздыванія этихъ явленій въ организмъ молодыхъ людей.

Къ концу этого періода (мужчина 25 лѣтъ; женщина—20 лѣтъ) нормальные (самое главное) молодые люди обыкновенно избирають себѣ субъекта соотвѣтствующаго ихъ идеалу и соединяются съ нимъ узами супружества; если же къ этому времени субъектъ не избранъ, то человѣкъ вступаетъ въ бракъ уже по расчету, по законамъ разсудка, а такъ какъ разсудокъ не принадлежитъ къ альтруистическимъ способностямъ нашей души, то онъ очень долго не можетъ остановиться на какомъ либо субъектѣ, и дѣлаетъ человѣка слишкомъ требовательнымъ къ личности, чѣмъ и объясняется такъ часто встрѣчающееся теперь у мужчинъ слишкомъ позднее вступленіе въ бракъ; напр. въ 35, 40 и болѣе лѣтъ.

На основаніи выше изложеннаго видно, что, въ смыслѣ нравственной и фізіологической гігіены, нормальный бракъ

для мужчины долженъ заключаться около 24, 25, 26 лѣтъ, такъ какъ къ этому времени личность подходящая подъ разработанный идеаль уже отыскивается и реальное обладаніе имъ, по мнѣнію тѣхъ же фізіологовъ—психологовъ, въ большинствѣ случаевъ, приводится въ исполненіе, то есть, нормальный бракъ долженъ заключаться въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ еще живетъ сердцемъ и чувствомъ и не перешелъ еще окончательно въ жизнь по разсудку.

Но здѣсь сама собою раскрывается новая мысль: *такъ какъ выше описанный идеаль разрабатывается человекомъ въ определенное время и притомъ одинъ разъ въ жизни, и переносится только на одну реальную личность, послѣдовательно любить искренно, нормально, человекъ можетъ только одинъ разъ*; отсюда же вытекаетъ идея единобрачія, доказывающая съ одной стороны то, что христіанское ученіе о единобрачіи вполне согласно съ природою и фізіологіей человѣка, а съ другой стороны— снова подтверждается та мысль, что не только *внѣбрачныя сношенія не составляютъ закона природы, но даже законное, магометанское, многоженство противно человеческой природѣ и общественному порядку*; подтвержденіемъ мысли объ абсолютномъ единобрачіи, можетъ служить также и постановленіе православной церкви, въ силу котораго первый бракъ совершается съ особенною торжественностію; *второй же бракъ разрѣшается только по снисхожденію церкви къ немоци человеческого состава*; третій же бракъ уже самъ по себѣ есть нечистота, по лучше блуда, и потому разрѣшается, при чемъ, если не ошибаюсь, церковь налагаетъ на брачующихся извѣстную эпитимію.—Наконецъ, многоженство противно природѣ, еще и по закону равночисленности половъ, въ силу котораго, на 100 дѣвочекъ, по наблюденіямъ статистиковъ—фізіологовъ, рождаются 102 мальчика.

Впрочемъ идея единобрачія и духовнаго половаго общенія не вполне подавлена магометанствомъ, что видно изъ того, что восточные повелители, обладая многими женами, все таки отдають преимущество первому браку, и первая жена у нихъ называется *старшею*, а также и изъ того, что образованные мусульмане, въ огромномъ большинствѣ, живутъ въ единобрачїи.

На этомъ основанїи, во второй бракъ вступаютъ только тѣ изъ вдовцовъ, и вдовъ, кто ошибочно перенесъ добродѣтели съ разработаннаго идеала на реальную личность; короче сказать, кто ошибся въ выборѣ, или же тѣ, у кого смерть слишкомъ скоро похитила найденную личность, и потому идеаль еще живетъ въ нихъ, и человѣкъ стремится снова отыскать реальную личность, соотвѣтствующую его идеалу, то есть хочетъ любить вторично, хотя бываютъ случаи, что, въ случаѣ смерти жениха или невѣсты прежде заключенія брака, нѣкоторые совсѣмъ не вступаютъ въ бракъ.

Если же человѣкъ овдовѣлъ въ пожиломъ возрастѣ, былъ счастливъ и все таки вступаетъ во второй бракъ, то это происходитъ, согласно выше изложеннаго закона, уже не по любви, но или по матеріальному расчету, по общественнымъ связямъ, или же на основанїи чисто практическихъ, хозяйственныхъ соображеній; или же наконецъ съ злою цѣлю; напр., богатые вдовцы, перессорившись со взрослыми дѣтьми, женятся вторично, съ цѣлю передачи имущества.

А что духовное общеніе существуетъ между лицами разнаго пола и способно доставить имъ взаимное удовлетвореніе, и что чистая любовь побуждаетъ человѣка къ добродѣтели и героизму, то этому есть доказательства и въ литературѣ. — Стоитъ только прочесть драму Эвяченко „*Жертва за жертву*“, гдѣ рельефно очерчено самоотверженіе героя драмы, (Вельскаго), на столько, что онъ, защищая

честь своей избранницы, принимаетъ на себя вину въ похищеніи большого капитала, и отправляется въ ссылку въ Сибирь; если бы подобные подвиги самоотверженія, основанные на высоко-благородномъ стремленіи человѣка къ другому полу, были бы невозможны, то они не проникли бы въ литературу, которая составляетъ не только отраженіе, но даже воспроизведеніе явленій жизни.

Еще удивительнѣе то обстоятельство, что выше описанныя, психическія явленія, и способность наслаждаться ими, выражаются особенно сильно только при сохраненіи цѣломудрія, которое служить здѣсь какъ бы уздой для удержанія человѣка въ нравственной чистотѣ; съ первою же потерей цѣломудрія, начинается рядъ не менѣе удивительныхъ явленій: человѣкъ сначала краснѣетъ не только передъ другими, но даже предъ самимъ собою; иногда даже плачетъ; при встрѣчѣ съ людьми ему представляется, что уже весь міръ знаетъ о его паденіи и смѣется надъ нимъ; онъ, по словамъ премудраго, *какъ преступникъ или бѣжитъ отъ людей, когда за нимъ никто не гонится* (Притч. Глав. 28; стихъ 1), или же стремится оправдаться предъ людьми даже и тогда, когда его никто не обвиняетъ; словомъ поступаетъ по словамъ Псалмопѣвца, *и боится страха, тамъ гдѣ его нѣтъ*, (Псал. 13; стихъ 5), и нерѣдко собственное выраженіе его лица выдаетъ его предъ другими; испытываетъ такое тяжелое состояніе духа, которое въ книгѣ Притчей (Глав. 5; стихъ—4) приравнивается къ тому, „*какъ бы онъ напился горькой полыни*“; если молодой человѣкъ не обращаетъ вниманія на этотъ протестъ нравственнаго чувства, то онъ постепенно перестаетъ тяготиться своимъ поведеніемъ, и нерѣдко доходитъ до такого цинизма, что самъ хвалится своими похождениями; вся выше описанная, физическая прелесть исчезаетъ; физиономія принимаетъ нахальный видъ, черты лица рѣзко выдаются; глаза дѣлаются дерзкими; нижняя губа утол-

щается, движенія и манеры утрачиваютъ грацію и пріятность, становятся вольными и нерѣдко безстыдными; вышеописанный идеализмъ и мечтательность вовсе не воскресаютъ въ его воображеніи, этика понижается на столько, что человѣкъ становится способнымъ къ разнаго рода преступленіямъ, и въ концѣ концовъ самъ нагло издѣвается надъ своею первоначальною чистотою; не слѣдуетъ забывать, что *эти явленія рельефно обнаруживаются только при незаконной потерѣ цѣломудрія*; утрата же дѣвственности при бракѣ, заключенномъ, согласно выше описанному проявленію полового инстинкта, не только не вызываетъ подобныхъ явленій, но наоборотъ, новобрачные производятъ на зрителя такое сильное и пріятное впечатлѣніе, какое описано нами выше.

Могутъ возразить, что выше описанныя явленія зависятъ отъ усовершенствованія дѣятельности головного мозга, но мы знаемъ (по мнѣнію авторитетнаго, отечественнаго физиолога—психолога И. М. Сѣченова), что въ возрастѣ около 35—45 лѣтъ бываетъ самое высокое проявленіе дѣятельности мозга, въ силу чего напр. самыя гениальныя произведенія литературы создаются авторами именно въ это время, а съ 45 лѣтняго возраста дѣятельность мозга уже начинаетъ регрессировать, и даже Карамзинъ въ своемъ сочиненіи („Счастливыя возрастъ человеческой жизни“) говоритъ, что весь четвертый десятокъ составляетъ самый счастливый возрастъ человѣка; однако же этихъ явленій, въ указанномъ возрастѣ, не только не наблюдается, но наоборотъ человѣкъ стремится воскресить свои идеалы, и недостигаетъ этого; человѣку хочется хотя на короткое время стать въ возвышенное восторженное положеніе юноши, но это уже не удастся; способность наслажденія идеалами утрачивается навсегда, и начинается сожалѣніе о невозвратной потерѣ (предполагается неискорченной) юности.

Спрашивается, для чего же человѣку сожалѣть объ утратѣ юности, когда въ зрѣломъ возрастѣ, (35 — 40 лѣтъ) его физическія и духовныя силы уравновѣшены, опытность велика, мозговая дѣятельность достигаетъ высшаго развитія, человѣкъ становится способнымъ понимать самыя глубокія и отвлеченныя научныя истины; напр. богословскія, философскія, историческія, математическія, естественныя, экономическія, политическія и проч? Оффиціальное положеніе человѣка, довольно солидное, матеріально онъ обезпеченъ достаточно. Изъ какого же источника происходитъ это сожалѣніе? Вотъ вопросы, на которые трудно отвѣтить развѣ только тому, кто не хочетъ возвыситься надъ животными, и кто, признавая и уважая одни только физическіе законы, совершенно игнорируетъ человѣческую психику; если бы вышеописанныя явленія зависѣли исключительно отъ дѣятельности мозга, то они и проявлялись бы въ періодъ полного развитія этой дѣятельности, т. е. въ 35—40 лѣтъ, и относились бы къ области умствѣнной; но мы видимъ, что явленія эти относятся къ области чисто нравственной, къ области сердца и чувства, и что они достигаютъ высшаго своего напряженія въ періодъ именно развитія не мозга, а половой способности и съ первою же потерею цѣломудрія начинаютъ ослабѣвать, и, при дальнѣйшей распущенности, совершенно прекращаются, оставляя послѣ себя душевную пустоту, которую уже не можетъ заполнить никакая мозговая дѣятельность, и человѣкъ, утративъ вѣру въ идеалы, носитъ внутри себя постоянное чувство неудовлетворенія.

А что эти выводы вѣрны—лучше всего могутъ доказать сами читатели; мы просимъ тѣхъ изъ нихъ, которые вышли изъ юношескаго возраста и перешли въ зрѣлый и пожилой возрастъ, вспомнить свое прошлое, и провѣрить: не переживали ли они всего вышеизложеннаго, и не совершался ли въ ихъ психическомъ мірѣ описанный процессъ, и

не сожалѣли они о томъ, что время это уже никогда больше не возвратится въ ихъ жизни? Тѣ же изъ читателей, которые еще не вышли изъ состоянія юности, и для которыхъ преимущественно и предназначена настоящая статья, тѣ, по прочтеніи ея, оставшись наединѣ, преимущественно въ постелѣ, въ ночной тишинѣ, пусть провѣрятъ наши слова надъ самими собою.

Приведа цѣлый рядъ данныхъ въ защиту цѣломудрія, и въ доказательство того закона, по которому половое стремленіе у человѣка не есть только животное стремленіе, а должно подчиняться нравственнымъ цѣлямъ, снова повторяемъ, что такимъ драгоцѣннымъ преимуществомъ природа надѣлила только человѣка, и никого изъ животныхъ.

Теперь посмотримъ, насколько мало соотвѣтствуетъ высказаннымъ положеніямъ установившійся въ современномъ обществѣ взглядъ на цѣломудріе.

Было время, когда юноши не только въ Россіи, но даже во всей Европѣ, сохраняли цѣломудріе до 24 и 25 лѣтъ, словомъ до брака, а между тѣмъ имъ не были извѣстны неудобства и мнимыя болѣзни, приписываемыя въ наше время воздержанію; они не только не страдали отъ него, но даже приобрѣтали сильную, тѣлесную крѣпость и душевное мужество, удивлявшее ихъ современниковъ; теперь же цѣломудріе какъ будто тяготитъ современныхъ, молодыхъ людей, какъ бремя; еще не достигнувъ полного развитія, молодые люди уже расточаютъ свои силы, предназначенныя природою для произведенія новыхъ существъ; въ слѣдствіе такого преступнаго поведенія, они не дѣлаются вполне людьми, какими должны быть, и въ возрастѣ, когда предки наши только начинали дѣйствовать воспроизводительными способностями, многіе изъ современниковъ нашихъ оказываются уже истощенными настолько, что удовольствія любви возбуждаютъ только скуку и отвращеніе, и они становятся неспособными чувствовать одно

изъ возбуждающихъ средствъ, наиболѣе развивающее прелесть нашей жизни.

Отчего мы такъ плѣняемся благородствомъ, возвышенностію души, великодушіемъ и мужествомъ древнихъ героевъ? Конечно отъ того, что мы любимъ въ нихъ то, чего нѣтъ въ насъ самихъ, что мы чувствуемъ, какъ сами удалились отъ нихъ, и потому описаніе нравовъ ихъ для насъ такъ привлекательно, что намъ хочется походить на нихъ. Но неблагоприятнѣ ли, не ограничиваясь однимъ безплоднымъ удивленіемъ, поискать средствъ приблизиться къ этимъ образцамъ, плѣняющимъ наше воображеніе? То, что дѣлало этихъ героевъ мужественными, крѣпкими и сильными духомъ, что наполняло душу благороднымъ жаромъ и твердостью, готовностью на всякое испытаніе, словомъ, что дѣлало ихъ истинными мужами, есть именно примѣрное цѣломудріе и стараніе, съ какимъ они оберегали отличительныя качества мужчины; но времена перемѣнились, цѣломудріе безъ сомнѣнія главное основаніе нравственности и характера въ человѣкѣ обращено въ посмѣяніе, какъ старомодное педантство, и каждый юноша можетъ, когда ему вздумается, сорвать цвѣтокъ, который долженъ быть наградой одного постоянства, дѣятельности, и благороднаго стремленія къ преодолѣнію трудностей. Для чего природа вложила въ наше сердце эту неодолимую склонность къ любви?—Конечно, не для того, чтобы разыгрывать романы или утопать въ поэтическихъ восторгахъ, при созерцаніи воображаемыхъ картинъ сладострастія, но чтобы соединить два сердца узами нерасторгаемыми, положить основаніе счастливому поколѣнію, и этою магическою связью соединить нашу жизнь съ самою первою и существенною изъ всѣхъ обязанностей, именно обязанностью отца или матери и научить насъ съ честью и гордостью носить этотъ почетнѣйшій изъ титуловъ; мы видимъ изъ исторіи, что въ прежнія времена всѣ люди, отъ которыхъ ожидали чего

нибудь выдающагося, были цѣломудрены; они были убѣждены, что невоздержность, въ этомъ отношеніи, лишаетъ человѣка энергіи, и что ничего не сдѣлаетъ тотъ, кто предается такого рода излишествамъ; и потому намъ только остается глубоко скорбѣть о томъ, что мы не стараемся подражать правамъ нашихъ предковъ, и стремимся собрать жатву прежде, нежели ее посѣемъ.

Докторъ Василій Николаевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Религіозное броженіе среди черемисовъ.

Съ давнихъ временъ черемисы — язычники Казанской губ. Царевококшайскаго уѣзда, Шиньшинской, Моркинской и Себѣ-Усадской волостей, ежегодно осенью, по окончаніи всѣхъ полевыхъ работъ и уборки хлѣбовъ, совершаютъ моленія въ своихъ священныхъ рощахъ, которыя имѣются почти при каждомъ черемисскомъ селеніи. На моленіяхъ обильно приносятся въ жертву скотъ и птица, которыхъ убиваютъ и варятъ для ѣды, а несѣдненное увозятъ по домамъ. Существуетъ у черемисовъ осенью еще и особое моленіе, такъ называемый „Кумалтышъ“, т. е., жертва Аврааму. Онъ поочередно, впрочемъ, не ежегодно, а чрезъ два или три года, совершается въ священныхъ рощахъ селеній: Варанчушъ, Нижнихъ Иншей и Шоръ-Унжи, Царевококш. уѣзда, а иногда и въ уѣздахъ: Казанскомъ и Вятской губ.—Уржумскомъ и Яранскомъ. На „Кумалтышъ“ сѣзжаются, съ жертвенными скотомъ и птицей, черемисы всѣхъ упомянутыхъ уѣздовъ.

Подъ вліяніемъ войны у черемисовъ-язычниковъ возникла въ прошломъ году мысль объ устройствѣ большого моленія. Инициаторомъ этого моленія былъ извѣстный среди черемисовъ ворожей и сновидецъ крестьянинъ Шиньшинской вол., дер. Шлань Осъка Евсѣевъ Яксуткинъ, 50 лѣтъ. Необходимость такого моленія Яксуткинъ подкрѣплялъ указаніемъ на бывшіе ему сны, во время которыхъ онъ якобы получалъ приказъ устроить большое моленіе 9 октября.

День моленія Якуткинъ велѣлъ скрывать отъ православнаго духовенства, чтобы послѣднее не помѣшало совершенію моленія, тѣмъ болѣе, что на это моленіе Якуткинъ усиленно привлекалъ и православныхъ черемисовъ, съ каковою цѣлью онъ развѣзжалъ по черемисскимъ селамъ и деревнямъ, разсылалъ посланія и даже мѣстами устраивалъ сельскіе сходы.

Однако, какъ не скрывалъ Якуткинъ мѣста и времени большого моленія, объ немъ узнала Казанская епархіальная власть, которая для отвлеченія православныхъ черемисовъ отъ посѣщенія этого моленія своевременно приняла столь широкія и дѣйствительныя духовныя мѣры, что большое моленіе Якуткина съ черемисами-язычниками 9 октября 1915 г. совершенно не оправдало надеждъ Якуткина, который полагалъ сдѣлать его орудіемъ мощнаго отвлеченія крещенныхъ черемисовъ отъ православія въ язычество. Усиленныя проповѣди съ церковной кафедры, внѣбогослужебныя храмовыя и нарочитыя по черемисскимъ домамъ бесѣды духовенства и дѣятелей миссіи противъ язычества, обильная раздача черемисамъ противоязыческой литературы и, наконецъ, торжественныя Архіерейскія богослуженія предъ днями и въ дни языческаго моленія въ ближайшихъ къ оному мѣстахъ: все это разрушило планы и надежды устроителей языческаго большого моленія.

Интересная бесѣда состоялась у Якуткина съ Казанскимъ епархіальнымъ миссіонеромъ въ с. Уньжи за шесть дней до большого черемисскаго моленія. На бесѣдѣ Якуткинъ, съ пыломъ фанатика, защищалъ необходимость этого моленія указаніемъ на бывшіе ему четыре сна.

Во время перваго сна, около Троицы 1914 г., онъ, Якуткинъ, якобы видѣлъ, что Уньжинскіе черемисы собрались въ главной Уньжинской рошѣ дать обѣщаніе о совершеніи жертвоприношенія; неизвѣстнымъ картомъ (жрецъ)

была указана жертва — лошадь изъ Ямбатырева (деревня Уньжинскаго прихода), рыжеватой масти, которая затѣмъ была приведена и показана народу. Животное должно было быть принесено въ честь Адама—родоначальника (по черемисски „Адамилень“), послѣ чего всѣ разошлись изъ рощи.

Въ декабрѣ м. 1914 г. Яксуткинъ снова видѣлъ двѣ толпы тѣхъ-же Уньжинскихъ черемисовъ, которыя измѣряли землю и шли навстрѣчу одна другой. Когда онѣ соединились, то якобы въ мѣстѣ ихъ соединенія выросла молодая липа, которая, въ дѣйствительности, и растеть въ Уньжинской рощѣ. Это дерево было посвящено „бѣлому богу“, жизнедателю, покровителю Ноя, причеиъ Яксуткинъ отождествлялъ и самого Ноя съ „бѣлымъ богомъ“.

Въ концѣ марта 1915 г. Яксуткинъ видитъ третій сонъ: Уньжинскіе черемисы находились въ рощѣ. Вдругъ съ неба прилетѣлъ человекъ на крыльяхъ, въ военной формѣ съ эполетами, безъ шапки и съ саблей; опустившись въ рощѣ около своего дерева-березы (шке она пуже дэкэ-свое ханъ дерево), при чемъ крылья у него исчезли, онъ объявилъ себя Императоромъ Александромъ II и повелѣлъ черемисамъ принести жертву „Царскому богу“ или „богу бѣлому“, потому что всѣ черемисы въ скорби. Въ то же время Онъ далъ приказъ Яксуткину достать для моленія отъ высокихъ лицъ монету съ орломъ и кусокъ чистаго холста и вмѣстѣ съ Яксуткинымъ они оказались въ дер. Пертылгѣ, гдѣ Государь указалъ для жертвы жреца гнѣдой масти и исчезъ; съ 3 октября Онъ ожидаетъ черемисовъ въ рощѣ на моленіе.

Наконецъ, въ маѣ м. 1915 г. Яксуткинъ снова во снѣ видитъ себя въ рощѣ съ черемисами. Одинъ изъ черемисовъ указалъ на березу для совершенія моленія богу Авраама. Найдено было и жертвенное животное — годовалный жеребенокъ изъ дер. Торэтъ-Кюваръ, Вятской губ.

Такими то снами Яксутинъ взбудоражилъ черемисовъ-язычниковъ, увлекая ихъ на большое моленіе, а равно созывая на это моленіе и православныхъ черемисовъ. Взбудоражено было 51 общество Казанскаго и Царевококшайскаго уѣздовъ, Казанской губ., и Малмыжскаго, Яранскаго и Уржумскаго уѣздовъ, Вятской губ. На моленіи предполагалось принести 69 жертвъ: 3 лошади, 10 годовалыхъ бычковъ, 6 годовалыхъ телокъ, 8 жеребятъ — однолѣтокъ и, наконецъ, гусей и утокъ. Лошади предназначались въ жертву „великимъ богамъ“, жеребята—пуйрш'амъ, второстепеннымъ богамъ, телки — матерямъ великихъ боговъ, бычки—тамбар'амъ, пророкамъ великихъ боговъ, а гуси и утки—суксамъ, т. е. ангеламъ. Требовалось для совершенія крупныхъ жертвъ 27 картовъ (жрецовъ) и 27 уссо (помощниковъ жрецовъ). 4 октября должны были быть избраны жрецы, а 8 октября—торжественные проводы жертвенныхъ животныхъ изъ Уньжи и встрѣча ихъ въ рощѣ съ возженными свѣчами, молитвословіями и игрою на гусяхъ. Къ вечеру 8 окт. всѣ жертвы должны были быть закланы, а съ утра 9-го предполагалось начать моленіе о принятіи божествами жертвъ и затѣмъ яденіе жертвеннаго мяса. Всѣмъ руководилъ Яксуткинъ.

Моленіе 9 октября и состоялось. Однако, благодаря принятымъ Казанской епархіальной властью духовнымъ мѣрамъ, отвлекшимъ черемисовъ отъ моленія, на послѣднее собралось всего около 2¹/₂ тысячъ человекъ, значительная часть коихъ прибыла изъ Вятской губ. Сверхъ того, многія жертвенныя животныя не были доставлены. Пришлось устраивать дополнительное жервоприношеніе 15 и 16 окт., но эти моленія прошли уже при ничтожномъ числѣ участниковъ.

Подобныя моленія, подъ руководствомъ того же Яксуткина, предполагено совершить и въ текущемъ году. Сначала назначали для нихъ м. Май, но, въ виду бдитель-

ности Казанской миссіи, отложили время моленія, тщательно скрывая приготовленія къ нему отъ православнаго духовенства и миссіи.

Тяготы переживаемой нами войны, несомнѣнно, будятъ религіозное чувство въ народѣ, и этимъ пользуются въ своихъ цѣляхъ разные ворожеи и сновидцы, которыхъ такъ много на Руси повсюду! Однако, какъ все же грустно видѣть эти черемисскія языческія жертвоприношенія въ XX-мъ вѣкѣ!..

П. М.

Зеркало жизни.

XLV.

Законопроектъ о нѣмецкомъ засиліи.

„Законопроектъ о нѣмецкомъ засиліи“... Какъ долго русскій народъ ждалъ отъ Г. Думы этого законопроекта!.. Сколько милліоновъ глазъ русскихъ людей съ укоромъ и мольбою взирали на Г. Думу, ожидая отъ нея рѣшительныхъ мѣръ къ освобожденію *внутренняго* фронта Россіи отъ засилья двухподданныхъ нѣмецкихъ „культуртрегеровъ“! Кажется, двухъ мѣній объ этомъ засильи не могло быть. Оно уже болѣе двухъ вѣковъ гнететъ Россію, сжимаетъ и душу и тѣло русскаго народа въ своихъ вандалскихъ тискахъ, гонитъ русскій народъ съ богатѣйшихъ пажитей юга и юго-запада Россіи, а нынѣ и съ Приволжскихъ краевъ въ Сибирскія тундры, въ мѣста лихорадокъ и суровыхъ стихій!

И вотъ наконецъ, русскій народъ дождался „Законопроекта“ о нѣмецкомъ засильи. Еле-еле, спотыкаясь, робко озираясь по-сторонамъ, едва не прося на каждомъ шагу извиненій за дерзновеніе, этотъ „Законопроектъ, поддерживаемый правыми, вошелъ въ думскій залъ и, при свѣтѣ вечернихъ огней, 14 іюня заявилъ Думѣ о себѣ...

И едва только онъ назвалъ себя, какъ представитель русской либеральной интеллигенціи графъ Д. П. Капнистъ объявилъ его „демагогомъ“ и предложилъ гнать его съ „повѣстки“ думскихъ засѣданій. Съ невѣроятными усилиями

правые, съ помощью крайнихъ лѣвыхъ, добились для законопроекта о нѣмецкомъ засильи мѣста на думской кафедрѣ, откуда его усиленно изгоняли октябристы, кадеты и прогрессисты, т. е. цвѣтъ русской либеральной интеллигенціи!..

Знаменательное зрѣлище! Русская интеллигенція и въ нынѣшнюю страшную годину національнаго испытанія осталась все той-же, какою она вышла изъ подъ двухвѣковаго нѣмецкаго на Руси ярма: она все также чужда души русскаго народа, все также оторвана отъ его идеаловъ и чаяній, все также барски-спѣсива и брезглива къ нему и все также батрачествуетъ предъ нѣмецкими „Биронами“, боясь даже мысли о борьбѣ съ ними... Но и не одна здѣсь боязнь сказывается, а и нѣчто худшее. Русская либеральная интеллигенція не только духовно, но въ массѣ и матеріально, закабалила себя нѣмцамъ... Ея „политическія партіи“, особенно октябристская, всецѣло базируются на нѣмцахъ: ими созидаются, ими вдохновляются и ими оснащаются...

Отсюда и понятно то позорное и прямо преступное малодушіе, какое ярко проявляетъ наша либеральная интеллигенція въ борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ внутри Россіи. И когда изъ ея рядовъ графы Капнисты дерзаютъ еще прикрывать это позорнѣйшее рабство русской либеральной интеллигенціи нѣмцамъ инсинуаціями по адресу борцовъ противъ нѣмецкаго засилья, крича: „демагогія... демагогія“.., то просто въ ужасъ приходишь предъ этимъ омерзительнѣйшимъ лицемѣріемъ либеральныхъ, фарисеевъ нашего времени!..

Кто-же мѣшаетъ имъ самимъ безъ „демагогіи“ повести рѣшительную борьбу съ нѣмецкимъ засильемъ чрезъ Г. Думу?! Нѣтъ, они и сами этого не дѣлаютъ и другихъ за подобныя начинанія устрашаютъ „либеральными пугалами“...

Спасая нѣмцевъ внутри Россіи и закабалая и на будущее имъ русскій народъ, наша либеральная интеллигенція собственно спасаетъ свои животишки, переплетенные неразрывно съ нѣмецкими, и на нѣмецкомъ кулакѣ мнить и впредь созидать и укрѣплять новую надъ русскимъ народомъ „парламентскую“ барщину...

И этого не скрыть нашимъ либераламъ подъ плащъ огородныхъ пугаль, такъ какъ русскій народъ уже достаточно прозрѣлъ на счетъ своихъ „либеральныхъ благодѣтелей“...

Однако, какъ все это печально и какъ все это ужасно по своимъ грядущимъ послѣдствіямъ!...

XLVI.

Черная доска.

— „Черная доска“.—На Невскомъ большой спросъ на „черныя доски“... Еще не съѣхались школяры, еще заключены классы, еще педагоги отдыхаютъ на лонѣ природы, брезгливо смотря на снующихъ повсюду торговцевъ губками, а на Невскомъ большой спросъ на „черныя доски“!... Что-бы это значило? Не мародеры ли скупаютъ?! Не похоже: слишкомъ гласно, подъ акомпаниментъ всей „прогрессивной“ прессы (а ужъ не она ли у насъ—„бичъ“ для мародеровъ!...)! Скупаютъ настоящіе русскіе люди: сіятельные, отставные военные, разныхъ „интеллигентныхъ“ профессій... Спрашиваемъ: „для чего“?! И торговцы, улыбаясь, отвѣчаютъ: „для новой игры въ „государственную измѣну“... Дѣтвора играетъ на доскахъ въ „козлика“ и „рожки“: взрослымъ же это не къ лицу,—а времени у нихъ гулящаго хоть отбавляй... Вотъ и ввели они игру на черныхъ доскахъ въ „государственную измѣну“!... Игра самая что ни на есть сезонная“...

Не повѣрили... Но не тутъ-то было,—пресса загудѣла: „Государственная измѣна!... Государственная измѣна!.. На черную его доску!“.. И по Невскому, по заламъ разныхъ „Обществъ“, по „Луна-Паркамъ“ и „Буффамъ“...—тащили „на черную доску“ одного изъ Петроградскихъ „интеллигентовъ“, г. Булацеля... Онъ всячески отбивался: руками, ногами, головой..., кричалъ, что „ей-же, ей, неповиненъ въ государственной измѣнѣ“..., что именно въ ней-то онъ многіе годы самъ обвинялъ многихъ изъ теперь тянущихъ его..., что самъ онъ—всегдашній врагъ германизма и кайзеризма..., что обвиненіе его въ „защитѣ кайзера“ или плодъ недоразумѣнія, хотя и имъ лично порожденнаго, или плодъ злостнаго на него вымысла, пущеннаго въ оборотъ людьми, сводящими съ нимъ „старые счеты“...

Однако, толпа „судей“ гудѣла, точно старалась заглушить рѣчь приговореннаго ею же къ „черной доскѣ“..., точно боялась, какъ-бы не сказала въ этомъ приговорѣ ошибка и не обнаружилась подмѣна достойныхъ обвиненія невинно осужденнымъ!.. Осужденнаго не только не выслушали, но и на „судъ“ не допустили... А просто „за глаза“ приговорили и приговоръ скрѣпили, занеся „государственную измѣну“ на „черную доску“!.. Вотъ онъ „судъ“ - то нашей „крикливо-либеральной интеллигенціи“!.. Точь-въ-точь какъ „сарынь на кичку“ волжской вольницы!..

Въ чемъ-же дѣло? Г. Булацель, человекъ яркой политической окраски, задумалъ въ „Россійскомъ Гражданинѣ“ играть роль „русскаго оракула“, которую такъ печально и неудачно „игралъ“ почившій князь Мещерскій въ своемъ „Гражданинѣ“. А такъ какъ „игра“ требуетъ зрителей, то надо чѣмъ-либо ихъ привлечь. На театральной сценѣ съ этой цѣлью продѣлываютъ „трюки“... Польстился, по примѣру кн. Мещерскаго, на такой „трюкъ“ и г. Булацель. Воспользовавшись словами англійскаго премьеръ-министра о необходимости привлечь къ отвѣтственности за герман-

скія преступленія всѣхъ виновниковъ, „кто-бы они ни были и какое-бы высокое положеніе ни занимали“, и усмотрѣвъ, какъ усмотрѣли то и другіе органы прессы, здѣсь рѣчь о Вильгельмѣ, г. Булацель, какъ говорится, „не посмотрѣвъ въ святцы, бухнулъ въ колоколь“... Онъ увидѣлъ въ этомъ осуществленіе давнишней массонской мечты о международномъ трибуналѣ для суда надъ вѣнценосцами!.. И вотъ свой протестъ *противъ этого трибунала* онъ выразилъ такими двусмысленными доводами, что каждый изъ нихъ могъ вызвать бурю негодованія, но и каждый изъ нихъ требовалъ нарочитыхъ поясненій г. Булацеля, прежде чѣмъ ясно и рѣшительно могъ-бы быть квалифицированъ, какъ „государственная измѣна“. Понявъ подъ вышеозначеннымъ угломъ зрѣнія рѣчь г. Асквита, г. Булацель дозволилъ себѣ такія сужденія о роли Англіи въ этой войнѣ, которыя заслуживаютъ всякаго порицанія и могутъ быть объяснимы только обуявшею нашихъ политическихъ дѣятелей неразборчивостью въ средствахъ. И эта неразборчивость въ данномъ случаѣ тѣмъ особенно является возмутительной, что дѣло касалось чести одного изъ вѣрныхъ союзниковъ Россіи, ея соратниковъ въ столь тяжелую минуту! Но г. Булацелю надобенъ былъ „трюкъ“... и онъ учинилъ его...

Только подъ своимъ угломъ зрѣнія на рѣчь г. Асквита г. Булацель, далѣе, дозволилъ себѣ и возмутительное умаленіе виновности Вильгельма, выставляя его „лишь представителемъ и исполнителемъ желаній и чаяній германскаго народа, одержимаго манією величія“. Нѣтъ, Вильгельмъ—и первый „вдохновитель“ и первый „строитель“ какъ этой „маніи величія“, такъ и всѣхъ истекшихъ изъ нея преступленій!.. И развѣ справедливо привлекать къ отвѣту за звѣрства весь германскій народъ, а Вильгельма и его домъ оставлять неприкосновенными!.. Что если бы Вильгельмъ былъ инымъ, чѣмъ германскій народъ, и противился-бы „маніи величія послѣдняго?... Конечно, „манія

величія“ германскаго народа не вышла бы изъ границъ Германіи, а если-бы и вышла, то не было бы тѣхъ ужасовъ разбойнаго закала, какими, „подарили“ міръ германскія орды.

Но если г. Булацель, увлекшись мыслью о массонскомъ трибуналѣ, и попалъ въ плоскость такихъ доводовъ и примѣровъ, которые не могли не вызвать противъ него бури негодованія, то отсюда еще далеко до обвиненія его въ „государственной измѣнѣ“ и до признанія его „заступникомъ кайзера“ и пр !. Только недобросовѣстное политиканство, низменное сведеніе политико-партійныхъ счетовъ можетъ опускаться въ борьбѣ съ противниками до пользованія такими средствами.

Вѣдь, при такомъ способѣ „суда“, равнымъ образомъ можно было-бы обвинить г. Булацеля и въ измѣнѣ „царскому самодержавію“. Вѣдь, неумѣлая защита послѣдняго г. Булацелемъ можетъ быть выдана за намѣренное неумѣніе, съ цѣлью именно на этомъ фонѣ выставить „царское самодержавіе“.

Мы, напримѣръ, въ ужасъ пришли отъ Булацелевской защиты царскаго Самодержавія и увѣрены, что эта защита, по своимъ результатамъ, не лучше того массонскаго замысла, съ которымъ, однако, Булацель совершенно искренно борется. Намъ невольно вспоминается здѣсь „Медвѣдь и пустынникъ“...

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно было рѣчь г. Асквита, говорящаго въ данномъ случаѣ въ качествѣ *премьеръ-министра* дружественной намъ монархической страны, понимать, исключительно какъ рѣчь „главы англійскихъ масоновъ“!... Развѣ можно было, при свѣтѣ масонскихъ вождельній, трактовать рѣчь г. Асквита, какъ премьеръ-министра страны, ведущей смертную брань съ Германіей?! Развѣ г. Асквита въ данномъ случаѣ является глашатаемъ какого либо отвлеченнаго принципа, а не практическаго мѣро-

пріятія, вютекающаго изъ сердца не только англійскаго народа, но, смѣемъ думать, и всѣхъ союзныхъ съ нимъ народовъ?!... Развѣ всѣ мы, воюющіе съ Германіей, не имѣемъ права собственною головою подумать объ охранѣ себя въ будущемъ отъ Германскаго варварства?... Развѣ всѣ мы, если Господь даруетъ намъ побѣду,—въ чемъ мы не сомнѣваемся и о чемъ молимся,—не имѣемъ права поступить съ побѣжденнымъ врагомъ по нашему разумѣнію, не справляясь съ мнѣніемъ германскихъ ордъ?!... И если мы, побѣдивши, признаемъ для себя за лучшее переустроить весь политическій бытъ Германіи и возглавить его другимъ лицомъ или домою, внушающимъ намъ за нашу безопасность,—то развѣ мы не вправѣ сдѣлать это?!... Съ какого это времени побѣжденные судятъ побѣдителей и побѣдители дѣйствуютъ по указкѣ побѣжденных?!... Германія и Вильгельмъ—наши враги; мы справедливо считаемъ, согласно характеру веденія германцами войны, войско германское—разбойной бандой, а ея вождя—атаманомъ. И послѣ нашей надъ ними побѣды—кто посмѣетъ говорить намъ, побѣдителямъ, о „независимости“ германцевъ и ихъ вождя отъ суда побѣдителей?! Развѣ это не значитъ—заранѣе отказаться отъ плодовъ побѣды и собственными руками создать новыя выступленія германскихъ бандъ и ихъ атамановъ, которые, конечно, будутъ жаждаютъ „реваншей“ и мутить міровую воду для новаго и уже удачнаго для себя лова?!

Вотъ почему мы всею душою привѣтствовали рѣчь г. Асквита, какъ и всею душою вознегодовали на выступленіе г. Булацеля, однако, считая послѣднее не сознательною „государственною измѣною“, а жестокимъ недомысліемъ политико-партійнаго публициста, рвущагося въ гору, но катящагося внизъ... Произойди это недомысліе съ обычнымъ публицистомъ, или съ дѣятелемъ лѣво-партійнымъ,—его или замолчали бы, или замяли... Но г. Була-

цель считается изъ лагеря право-партійнаго... А такимъ дѣятелямъ у насъ недомыслия не только не прощаютъ, но и вздуваютъ его до „государственной измѣны“ и до высотъ „черной доски“...

Однако, такая оцѣнка публицистическихъ выступленій превратится, дѣйствительно, въ игру школяровъ на черной доскѣ въ „козлика“... Г. Булацель заведетъ у себя свою „черную доску“ и на нее занесетъ: и тѣхъ русскихъ „парламентаріевъ“, которые шептались за-границей съ германцами..., и тѣхъ, которые проваливали въ Думѣ законопроектъ о борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ, и тѣхъ, которые пораспродали свои родовыя имѣнія именно нѣмцамъ, и тѣхъ, которые нѣмецкими руками усѣлись на „парламентскихъ“ трибунахъ, и тѣхъ, которые всячески доселѣ опекаютъ пангерманскія рати внутри Россіи, каковы, наприм.: баптисты, адвентисты и проч..., причемъ, вѣдь, можно, при желаніи, уличить такихъ опекуновъ и въ лицемѣрномъ пользованіи флагомъ „свободы совѣсти“!...

Игра въ „государственную измѣну“ и въ „черную доску“ сама является именно „государственною измѣною“, потому что въ данное время нѣтъ ничего преступнѣе, какъ сѣяніе въ странѣ государственной смуты...

Лучше бы всѣ эти сіятельные, военные и разныхъ вольныхъ профессій крикуны сами-то дѣдали *подлинное* дѣло борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ въ Россіи... А то подъ крикливою вывѣскою, въ сущности, оказываются „кипящіе въ дѣйствиціи пустомъ“ и лишь дѣлающіе *видъ* борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ... А „видъ“... теперь не по сезону... Довольно для Руси „видовъ“; она ихъ навидалась... Дайте ей *дѣло*, а не „видъ“...

И. Правдолюбъ.

Миссіонерское обозрѣніе.

1. По Саратовской епархіи. — Въ газ. „Волга“ (№ 84) свящ. К. Каменскій рисуеть яркую картину засилья въ г. Саратовѣ баптистовъ надъ православными, и, что всего важнѣе, засилья, производимаго на „законномъ основаніи“, подъ эгидою указа 17 апрѣля 1905 г. о вѣротерпимости“.

— „17 апрѣля“, пишеть о. Каменскій, въ „молитвенномъ домѣ баптистовъ (Грошова я улица, д. Достоевскаго) мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ того, какъ баптисты, въ лицѣ своего „пресвитера“ г. С. К. Плотникова, относятся къ тѣмъ, кто по малолѣтству или родительской волѣ зарегистрированъ, какъ баптисты.

Во время молитвеннаго собранія ко мнѣ подходитъ молодой человѣкъ лѣтъ 25 — 26 и просить остаться послѣ собранія, чтобы быть свидѣтелемъ его разговора съ пресвитеромъ баптистовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ передаетъ мнѣ слѣдующую исторію:

— Мой отецъ *Павель Ивановичъ Сьроклиновъ* вмѣстѣ съ своею женою, а моею матерью, лѣтъ 6 или 7 назадъ перешли въ баптизмъ, и вмѣстѣ съ собою *безъ спроса и согласія перевели своихъ дѣтей*: 1) Александру, которой сейчасъ около 19 лѣтъ, 2) Клавдію (теперь 17 лѣтъ), 3) Николая (14 лѣтъ) и Евдокію (12 лѣтъ), воспользовавшись ихъ несовершеннолѣтіемъ.

Въ православіи остался только одинъ я, т. к. былъ уже совершеннолѣтнимъ. Сестра моя Александра состоитъ сей-

часть *учительницей въ церковной школѣ д. Афанасьевки, Саратовскаго уѣзда, и, конечно, съ баптизмомъ никакого соприкосновенія не имѣеть. Остальныя сестры и братья также не хотятъ быть баптистами и, несмотря на угрозы отца, не посѣщаютъ баптистскихъ собраний.* Отецъ нашъ имѣеть собственный домъ на мѣстѣ Патрикѣева за линіей ж. д. Въ этомъ домѣ у отца снимаю квартиру и я. Была у насъ бабушка, мать отца, православная. Но великимъ постомъ умерла. Пока была жива бабушка, въ домѣ были иконы, и отецъ не дѣлалъ себѣ замѣчаній, зачѣмъ онѣ молятся передъ иконами. Какъ только бабушка умерла—онъ вынесъ иконы, несмотря на протесты дѣтей, *и сталъ даже грозить дѣтямъ, что силой заставитъ ихъ ходить къ баптистамъ на собранія, т. к. они дѣти баптиста, а* посему и не могутъ, не имѣють права имѣть иконъ и не посѣщать баптистскія собранія. Конечно, въ этомъ отецъ встрѣтилъ дружный отпоръ со стороны дѣтей. На Страстную и Пасху была старшая сестра учительница, и мы всѣ вмѣстѣ просили отца отдѣлать комнату для дѣтей, гдѣ бы они, дѣти, поставили себѣ иконы и молились. Но и въ этомъ отказалъ отецъ, *сопровождая свой отказъ угрозами и крикомъ.* Въ Четвергъ на Пасху былъ у насъ этотъ самый пресвитеръ, что сейчасъ на каедрѣ, г. Плотниковъ, якобы устроить это дѣло, но только подлилъ масло въ огонь и больше ничего не сдѣлалъ, говорилъ все время, что дѣти должны слушаться отца, а отецъ какъ хочетъ, такъ и распоряжается въ своемъ домѣ, что они, дѣти не православные, а баптисты, т. к. переведены отцомъ *по закону въ баптизмъ, ибо имъ было меньше 14 лѣтъ.* И вотъ въ семьѣ идетъ распря. Отецъ не позволяетъ имѣть иконъ въ домѣ, а дѣти не хотятъ стать баптистами“...

— По окончаніи, собранія мы подошли къ пресвитеру, и г. Сѣроклиновъ сталъ просить его повліять на „своего

брата“—отца Сѣроклинова, чтобы онъ не выкидывалъ изъ дому иконъ, а позволилъ бы дѣтямъ имѣть ихъ, или, по крайней мѣрѣ, отдѣлилъ бы комнату для дѣтей. Г. пресвитеръ, несмотря на то, что только что проповѣдывалъ о любви ко всѣмъ людямъ, безъ различія даже религiи, несмотря на мои доводы, великолѣпно по пилатовски умылъ руки, сказавъ, что не можетъ онъ „распоряжаться въ чужомъ домѣ, и что дѣтямъ, прежде чѣмъ имѣть право имѣть иконы, нужно отчислиться изъ баптизма, т. к. отъ православiя они отчислены“. Да и вообще-де дѣти не могутъ дѣлать въ домѣ отца, что имъ угодно, а распоряжается тамъ отецъ, и привелъ примѣръ: „если къ вамъ въ домъ придутъ съ водкой ваши дѣти и начнутъ распивать, а вы не пьете ее—прiятно это будетъ вамъ? „Что же г. пресвитеръ вы священныя изображенiя съ водкой сравниваете“?—спросилъ я. Плотниковъ спохватился и сказалъ, что это онъ не относительно иконъ, а относительно вообще распоряженiй родительскихъ... Словомъ, какъ и что мы ни говорили г-ну пресвитеру, на все былъ одинъ отвѣтъ: моя хата съ краю, ничего не знаю—какъ хочетъ отецъ, такъ и распоряжается“.—

— Вотъ кошмарная картина баптистскаго издѣвательства надъ свободой религiозной совѣсти... Да и одною ли такою картиною дарятъ насъ сектанты и такiя ли только картины являются плодами 17 апрѣля 1905 г. и тьмы-темъ пояснительныхъ и прочихъ министерскихъ изъ Департам. Дух. Дѣлъ циркуляровъ по дѣламъ вѣры!.. Печально, что всѣ эти акты, циркуляры и пр. и пр... имѣютъ одну только цѣль, какъ бы надѣлать сектантовъ и другихъ враговъ Церкви всевозможными правами и легализованнымъ засильемъ надъ совѣстью православныхъ!.. И всякое такое засилье выдается за „свободу совѣсти“, а всякiй протестъ православнаго противъ насилiя надъ его совѣстью признается противленiемъ „свободѣ совѣсти“!.. Словомъ за

всѣми признается „свобода совѣсти“, только не за православными!.. Ну, и времена тяжкія и лукавыя выпали на нашу долю... И нѣтъ просвѣта!..

2. **По Грузинскому энзархату.**—„Молоканская прѣя“: такъ должно назвать происшедшее 27 марта въ Бакинскомъ молоканскомъ общественномъ домѣ. За „общественнымъ чаемъ“, по случаю сбора пожертвованіи воинамъ, молокане подняли свою старую, какъ старо молоканство, „прѣю“. Представители двухъ теченій: старомолоканскаго и новомолоканскаго заспорили, уже не въ первый разъ, о необходимости для молоканъ образованія. Одни горячо высказались, что „науки приносятъ большой вредъ душѣ; ничего не давая ей, онѣ служатъ только для того, чтобы получше устроиться въ жизни и побольше получать“. Другіе же настаивали на необходимости „вооружить подрастающее молодое поколѣніе знаніями, благородными привычками и твердыми, ясными убѣжденіями“, для чего за недостаткомъ у молоканъ своей средней школы, рекомендовали отдавать своихъ дѣтей въ гимназіи. Примиренія не состоялось. Старомолокане ясно видятъ, что образованная молоканская молодежь лишь номинально остается пока въ молоканствѣ, духовно совсѣмъ порвавъ съ нимъ, и потому для охраны молоканства они и сами сторонятся образованія и другимъ тоже передаютъ. Во главѣ старомолоканъ стоятъ „молоканскіе старцы-крѣпыши“, степенные, сановитые и съ обликомъ русскихъ бородачей. Однако, все же новомолоканское теченіе беретъ верхъ и матеріальныя выгоды образованія постепенно разрушаютъ твердую „молоканскаго духа“.

3. **По Уфимской епархіи.** Что-то непостижимое объ Уфимской миссіи сообщаетъ въ „Ревн.“ (№ 2, 1916 г., стр. 33) Петръ Шленкинъ: „епархіальный миссіонеръ, человѣкъ

съ академическимъ образованіемъ, никакъ не можетъ признать баптистовъ и другихъ сектантовъ сектантами и еретиками, а, наоборотъ, ихъ называетъ истинно вѣрующими людьми, при всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ. По этому поводу былъ у меня полемическій диспутъ съ епарх. миссіонеромъ въ покояхъ Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Епископа Андрея. Присутствовалъ на этомъ диспутѣ Епископъ Андрей, о. архимандритъ Николай и др. Владыка вполне согласился съ моимъ убѣжденіемъ, что баптисты и другіе еретики и сектанты есть сектанты и и еретики и нужно обличать ихъ въ ихъ заблужденіяхъ безпощадно, а не держаться въ отношеніи къ сектантамъ извинительнаго тона?!.. Самъ г. Шленкинъ именуется себя официальнымъ дѣятелемъ по внѣшней миссіи, что придаетъ его заявленію официальный характеръ. Вслѣдствіе большого соблазна, порожденнаго даннымъ сообщеніемъ г. Шленкина объ епархіальномъ миссіонерѣ, *весьма желательно имѣть печатное авторитетное разъясненіе* о происшедшемъ въ покояхъ Преосвященнаго Андрея, епископа Уфимскаго, диспутѣ между г. Шленкинымъ и епархіальнымъ миссіонеромъ.

4. По Астраханской епархіи.—Въ то время какъ Тверская епархіальная миссія, въ лицѣ своего о. епарх. миссіонера, всячески поноситъ публичныя миссіонерскія бесѣды съ сектантами и вмѣняетъ ихъ въ небытіе, Астраханская миссія, наоборотъ, пользуется опытомъ давнихъ дѣятелей миссіи и широко практикуетъ въ борьбѣ съ сектантами публичныя полемическія бесѣды съ ними.

Въ самомъ центрѣ баптизма, въ с. Элиствѣ, епарх. миссіонеромъ о. С. Кудиновымъ были проведены съ баптистами бесѣды, которыя подѣйствовали на слушателей, по ихъ же отзыву, „какъ дождь на засыхающую траву“, такъ что, благодаря бесѣдамъ, „многіе изъ колеблющихся

утвердились въ православіи“. Мѣстные баптисты выписали было себѣ въ помощь главаря Астраханскихъ баптистовъ М. Шишкина. На бесѣды миссіонера съ Шишкинымъ народъ стекался огромными массами. На первыхъ же бесѣдахъ пораженіе Шишкина было полное, такъ что онъ на дальнѣйшія бесѣды уже не явился: православныя торжествовали, а сектанты пріуныли и гласно заявляли, что знаютъ „есть ли у нихъ истина“?... Такое слѣдствіе удачно проведенныхъ публичныхъ бесѣдъ давно вѣдомо ветеранамъ миссіи. Но такія бесѣды очень трудны и потому то и раздаются голоса противъ нихъ со стороны нѣкоторыхъ миссіонеровъ, желающихъ миссіонерствовать безъ труда и нервныхъ напряженій и сводящихъ всю свою миссію къ либеральной болтовнѣ и тѣлогрѣйству.

5. **По Тобольской епархіи.** Къ сожалѣнію, православные, оспаривая баптистскую „святость“, аргументируютъ все только доводами изъ Св. Писанія. Не лишне и даже весьма полезно почаще заглядывать и въ самую жизнь баптистовъ, гдѣ неисчерпаемое богатство такихъ фактовъ баптистской „святости“, которыми съ неоспоримымъ успѣхомъ можно запечатать уста любому апологету баптистской „святости“. Весьма поучительныя въ этомъ отношеніи свѣдѣнія сообщаетъ (въ „Рев.“ за т. г. янв. м.) свящ. Герасимъ Шорець.

— Лѣтъ 5 тому назадъ въ пос. Павлодаровскомъ, Тюкалинск. уѣз. Тобольск. губ., было открыто ссудо-сберегательное товарищество. Въ Павлодаровкѣ большинство жителей сектанты: молокане, штундобаптисты и „никудышники“ (есть семейства, гдѣ отецъ молоканинъ, мать баптистка, а дѣти „никудышники“). Правленіе т-ва было избрано исключительно изъ штундобаптистовъ. Захватывая въ свои руки власть, штундобаптисты имѣли въ виду опредѣленную цѣль: пропаганду сектантства среди православ-

ныхъ товарищей. Вообще во многихъ полусектантскихъ поселкахъ кредитныя товарищества являются мѣстомъ яркой пропаганды сектантства. Старанія заправиль Павлодаровскаго ссудо-сберегательнаго товарищества увѣнчались успѣхомъ: имъ удалось совратить въ штунду 10 семействъ въ пос. Бутовскомъ, 6—въ Кругловскомъ, 2—въ Стапичномъ, 1—въ Калиновкѣ, 2 — въ Рагозинкѣ, 2 — въ Луговомъ (съ одного богатаго Луговскаго крестьянина „за крестины“ взяли 200 руб., чтобы внести залогъ за осужденнаго на 3 года къ тюремному заключенію пропагатора Рудницкаго) и навѣрно много и въ др. поселкахъ.

Пріѣзжая въ т-во въ праздничные дни, православные должны были дожидаться, когда, по окончаніи молитвеннаго собранія въ сектантской молельнѣ, явятся въ т-во члены правленія—сектанты. Отъ нечего дѣлать, въ ожиданіи начала занятій въ т-вѣ, многіе стали заглядывать въ штундистскую молельню. А тамъ ихъ постарались обработать по-своему (т.-е. по-нѣмецки). Агитація сектантства велась и при выдачѣ ссудъ.

Но, увлекшись пропагандой, заправила т-ва забыли свои прямыя обязанности. Къ этому присоединилась еще и ихъ недобросовѣтность. Нѣкоторые изъ нихъ, и въ томъ числѣ лже-пресвитеръ Сукавинъ Карпъ Антоновичъ, открыли себѣ безпредѣльный кредитъ: 800, 1000 руб., хотя предѣльный кредитъ — 200, 300 руб., и не уплатили такой ссуды, даже имѣя „безгрѣшные“ доходы на сторонѣ. Когда инспекція обнаружила эти махинаціи, правленіе было перемѣнено. Однако, и вторично во главѣ правленія стали „штунды“.

Въ это время при т-вѣ была открыта продажа сельско-хозяйственныхъ машинъ. Члены правленія, вмѣсто продажи машинъ, предпочли пользоваться ими безъ покупки. Что имъ даромъ лежать? На этой операціи т-во потеряло порядочные убытки. Но это все еще цвѣтки, ягодки-то впереди.

Минувшей зимой (1914—15 г.) т-во взялось поставлять пшеничную муку для арміи. Члену правленія—Сергѣю Маслаку было поручено слѣдить за доброкачественностью привозимой на мельницу пшеницы. Къ православнымъ товарищамъ Маслакъ былъ очень требователенъ, зато къ сектантамъ благоволеніе его не имѣло границъ: онъ принималъ отъ нихъ пшеницу самаго плохого качества (съ соромъ, мокрую и т. д.). „Русскій солдатъ все съѣсть“, думали сектанты, и возили на мельницу плохую пшеницу (нѣкто Климъ Ильичъ Синевъ и др.). Когда же стали муку сдавать, то оказалось, что она не отвѣчаетъ объявленнымъ условіямъ, и ее не приняли. Мука (до 20 тысячъ пуд.) нѣсколько недѣль лежала на станціи „Омскъ“, наконецъ, жел. дорога потребовала плату за мѣсто въ размѣрѣ нѣсколькихъ тысячъ рублей. Покупателей на муку не находилось. Вывести на рынокъ, значитъ отдать ее за безцѣнокъ; везти домой оч. далеко (50—70 вер.). И крестьяне не на шутку думали свалить муку въ Иртышъ, ибо мука стала портиться. Съ большими усиліями нашли покупателя въ лицѣ *мѣстнаго интендантства* (?!). На этой операціи т-во понесло громадныя убытки.

Результатъ: въ т-вѣ не оказалось ни копейки денегъ. Гос. Банкъ ссуды не даетъ до погашенія долговъ. Чтобы поправить дѣло, избрали новое правленіе, на сей разъ уже изъ православныхъ, а всѣхъ товарищей обложили особымъ взносомъ соразмѣрно открытому кредиту. Нѣкоторые товарищи въ т-вѣ даже и не кредитовались (напр., Ив. Чмырь), но и имъ приходится платить эти взносы. Другіе бѣдняки для уплаты этихъ взносовъ вынуждены прибѣгать къ продажѣ немудреннаго своего послѣдняго домашняго скарба...

Такъ хозяйничаніе штундобаштистскихъ „праведниковъ“ привело т-во къ полному краху. „Банка лопнула“, говорятъ крестьяне.

Это событіе и другіе подобные случаи наглядно показали окрестному населенію, какова баптистская хваленая святость. Долго не забудутъ ее товарищи Павлодаровскаго ссудо-сберегательнаго т-ва.

За такое своеобразное понятіе о чести и святости православные называютъ сектантовъ „пустосвятами“.

Обзрѣватель.
